

Недруг

написано Movladi ABDOULAEV | 26.01.2010

Рассказывает мой знакомый борец:

– После одних соревнований устроили организаторы банкет. Я не любитель подобных мероприятий, но отказываться не удобно. И надо же, место мне досталось как раз напротив одного неприятного дагестанца. Он в их команде в тренерском штабе был. Видно, что до недавнего времени сам активно спортом занимался: шея, как у быка, уши сломаны, нос больше моего. И имя типично дагестанское – Расул – тоже раздражало. Он мне сразу не понравился, как только я его увидел: кричал громко, советы какие-то своим борцам давал. Вроде бы ничего плохого, но моя душа не приняла его. И вот мы сидим напротив, поедая глазами друг друга. Я парень миролюбивый, но тут, думаю, спровоцирую какую-нибудь ссору, чтобы с ним сцепиться. Удобного момента жду, чтобы он ещё и виновным остался. Тут этот дагестанец и спрашивает меня:

– Как в Чечне живется? Грозный отстроили?

– Да, – говорю, – отстроили, а то он до недавнего времени свалкой был, наподобие Махачкалы.

Рассчитывал этой фразой его из себя вывести и спровоцировать на оскорбление.

А дагестанец неожиданно расхохотался: «Красавчик, – говорит, – в десятку попал. Я тоже говорю, что это деревня под город замаскированная».

Все, сидящие за столом, засмеялись. Я тоже не выдержал и улыбнулся – настолько непосредственен был мой «недруг». И акцент его меня перестал раздражать, и уши не казались уже

смешными (у самого не лучше), и имя у него замечательное, как у великого поэта.

Мы с Расулом в итоге подружились. Часто бываем в гостях друг у друга. А насчет Махачкалы я, конечно, был не прав – это красивый город. Очень красивый город.

...Такой же почти, как Грозный.

Муслим Гапуев

Иномарка

написано Movladi ABDOLAEV | 26.01.2010

Грозненский летний полдень. Жара. С Центрального рынка выходят немолодые мужчина и женщина, по всей видимости – супруги. У обоих в руках тяжелые сумки и пакеты с продуктами. Ручки пакета, что у мужчины, порвались, и поэтому ему его приходится поддерживать снизу рукой. Из пакета видна упаковка кефира. Мужчина идет сгорбленно. Он небрит, на нем выцветшая клетчатая рубашка, на ногах – стоптанные туфли. Женщина идет тяжело. Она неухожена, одета тоже бедно. На лбу у обоих выступил пот, но вытереть его нет никакой возможности – руки заняты. Вид у обоих уставший и измученный.

«Да-а-а, – думаю я, – нелегко им придется с этим грузом добираться до дома. Еще хорошо, если живут недалеко и в своем жилье, а не в съемном и не у родственников. Как же обнищал наш народ за последние 10-15 лет в результате этих проклятых войн и неумной политики горе-политиканов».

Честно признаюсь, мне даже жалко стало этих двоих людей, хотя

я понимаю, что почти весь наш народ в таком положении. Женщина, покупая хлеб, немного приотстала, а мужчина, в ожидании жены, остановился у сверкающего автомобиля марки BMW. Мне виделась со стороны такая сцена: потрепанный мужчина стоял у чьей-то новенькой дорогой иномарки и завистливо глядел на нее. Какие мысли были у него в этот момент в голове одному Богу известно. Тут подошла жена. Мужчина, тоскливо окинув в последний раз машину, полез в карман своих старых брюк, достал оттуда ключ и... открыл дверцы машины и багажник. Неспешно и аккуратно женщина уложила сумки и пакеты.

Машина резко сорвалась с места, обдав меня клубами пыли.

«Как же выросло за последнее время благосостояние народа, – подумал я, – если типичный ее представитель раскатывает на шикарном авто».

Процесс познания чеченского народа продолжается...

Муслим Гапуев

Инцидент на дороге

написано Movladi ABDOLAIEV | 26.01.2010

Зима. На дороге гололед. Трудно передвигаться и пешеходам и автомобилистам. Машины едут медленно, но аварии на дорогах, тем не менее, не редкость. Хорошо еще, если столкновение обходится без человеческих жертв. Но бывает, кому-то и не везет. Этим кем-то может быть и водитель и пешеход. Крайне редко бывают, правда, случаи и со счастливым концом. Свидетелем одной такой ситуации мне недавно довелось стать.

Старенькие «Жигули» у автостанции «Минутка», не справившись с управлением, сбивают молодую женщину. Даже скорее не сбивают, а прочесывают ее. Женщина, тем не менее, падает и лежит неподвижно в снежной жиже. В принципе, она сама отчасти виновата в этом дорожном инциденте – переходила дорогу не поперек, а наискось, игнорируя все на свете, в том числе и автомобильные сигналы. Может, эта женщина думала, что на всех автомобилях зимняя резина, а класс водителей не уступает уровню Михаэля Шумахера. Вообще, не смотреть по сторонам, переходя дорогу – это наша национальная черта. Так же, как и стоять в ожидании транспорта на середине проезжей части. Зачастую любопытно бывает наблюдать, как люди, переходящие дорогу, лезут прямо под колеса проезжающего транспорта. Водители, дабы не наехать на пешехода, берут левее, а пешеход тут же делает шаг в освободившееся пространство – и опять же под колеса. Водитель берет еще левее, едва ли не заезжая на полосу встречного движения. А пешеход делает еще шаг...

Но я отвлекся от нашей истории. Итак, что мы имеем: лежащую под колесами автомобиля без признаков жизни молодую, хорошо одетую особу и суетящегося возле нее пожилого мужчину, по всем признакам, придавленного тяготами жизни. Кругом моментально собирается толпа: кто-то посмотреть – не родственник ли попал в аварию, кто-то из сопереживания, кто-то просто поглазеть на «бесплатный спектакль», надеясь этим наполнить свою духовность. Мужчина громко причитает: «Я же сигналил долго, а она даже не обернулась. Теперь никому ничего не докажешь». Ко всему прочему, женщина, по всей видимости, из «новых чеченок». Об этом помимо одежды говорят и дорогие украшения, которые здравомыслящий человек (даже если допустить, что эти украшения у него волшебным образом как-то оказались) никогда в быту не оденет. А с такими людьми трудно, как правило, миролюбиво разрешать конфликтные ситуации.

В толпе с пониманием относятся к волнению мужчины. «Ты пульс посмотри, – советуют из толпы, – может, жива еще». Мужчина наклоняется и неумело пытается нащупать пульс. Неожиданно для

всех, женщина открывает глаза, и, видя над собой склонившегося мужчину, зычно орет: «Ты куда свои руки грязные тянешь. Знаешь, что за это бывает?». Затем довольно резво для своих габаритов, вскакивает и начинает отряхивать от снега и грязи свою дубленку. Все удивлены случившейся метаморфозой. Шок у женщины прошел и по ее активности понятно, что и телесных повреждений у нее нет. «Ты посмотри, что ты с моей одеждой сделал, – обращается она к водителю. – Придется тебе со мной в прокуратуру проехать».

Воспрявший было духом водитель, снова сник: «Почему сразу в прокуратуру. У меня и так проблем хватает. Зачем обязательно надо добивать человека. Почему мы такие злые по отношению друг к другу». Женщина, не слушая водителя, продолжает отряхиваться, при этом громко возмущаясь: «Совсем новая дубленка была, а теперь не очистишь ее». Затем повернувшись к мужчине: «Так мы едем в прокуратуру?». Мужчина вконец обмяк: «Слушай, не надо в прокуратуру, а дубленку я тебе новую куплю. Машину продам и куплю, как раз получится». Сарказм и безысходность, конечно, в его словах присутствовали. А у женщины терпение лопнуло окончательно: «Я в прокуратуре работаю. Если ты не можешь меня до работы довезти, я такси поймаю – не могу же я ехать в грязной дубленке в общественном транспорте».

...Свидетели этой сцены могут поклясться, что так рвануть с места, как рванула эта старенькая «шестерка» не смог бы ни один болид серии «Формула 1».

Муслим Гапуев

Долг

написано Movladi ABDOULAEV | 26.01.2010

Погожий летний грозненский вечер. Я иду после работы домой. Вдруг слышу за спиной крик: «Эй, эй». Внутренний голос подсказывает, что кричат мне. Оборачиваюсь – так и есть. Подбежавший, плохо одетый мужчина средних лет долго пытается отдышаться. Затем, улыбнувшись, вежливо спрашивает мое имя, интересуется семьей, моими делами. Ловит мой недоуменный взгляд:

– Ты, я вижу, меня не узнал?

– Нет, но, судя по всему, и ты меня не знаешь.

Мужчина добродушно смеется:

– Что эта война с нашей памятью сделала. Забываешь элементарное. Могу тебя понять. Я и сам, если бы не должок, вряд ли тебя вспомнил.

– Какой еще должок?

Я внутренне сжался, ожидая любого подвоха – психика у людей после двух войн стала непредсказуемой. И насколько мне помнится, я никому ничего не должен.

Видя мое напряжение, мужчина улыбается еще шире:

– А до войны ты кому-нибудь продал прихожую мебель? Так это я ее купил и недоплатил сто долларов. Я их через месяц пообещал занести, но затем началась война, все закрутилось, все разъехались. Ваш дом тоже разрушили. А этот долг меня мучает все эти годы. Кстати, где вы теперь проживаете? Сейчас у меня с собой денег нет, но в ближайшие выходные занесу их и освобожу свою душу.

Напряжение как рукой сняло. Я даже улыбнулся от души, что случается крайне редко. Про эту мебель, мной по ситуации проданной почти десять лет назад, и тем более про сто долларов я, конечно, давно позабыл – слишком много более важных и более трагичных событий произошло в жизни почти каждого жителя республики. Но у меня вызвало искреннее восхищение желание этого мужчины и в самые трудные дни своей жизни остаться честным и достойным человеком. Судя по всему, он не очень материально обеспечен, но, тем не менее, готов отдать совсем не лишние для себя деньги, тем более, забытые мной, лишь бы самому уважать себя.

«Как часто в последнее время приходится сталкиваться с подлостью – думалось мне – и как редко с благородством. Тем сильнее его ценишь».

Я подробно объяснил свой адрес, и мы тепло расстались. На волне нахлынувших эмоций мне даже подумалось, что с этим человеком можно было бы и подружиться.

...больше я его не видел.

Муслим Гапуев

Диван

написано Movladi ABDOULAEV | 26.01.2010

В конце 1999 года я находился в Москве. Время это для чеченцев было очень беспокойное. Началась вторая военная кампания. Провокаций было множество. Непонятным образом стали взрываться дома, а весь чеченский народ огульно был записан в террористы

с вытекающими отсюда последствиями. Конечно, и представители других национальностей России не чувствовали себя защищенными и от терактов, и от произвола собственных правоохранительных органов. Но против чеченцев, казалось, был весь мир... Эта напряженная ситуация выработала у чеченцев осторожный стиль поведения.

Лично я старался без крайней надобности не выходить на улицу. И в такой непростой момент звонит мне давний товарищ с просьбой помочь перенести диван. Это «перенести», а не «перевезти» меня, к сожалению, не насторожило. А то, каюсь, нашел бы повод, чтоб не участвовать в этой акции. Реальность оказалась страшней любых моих воспаленных фантазий. Суть банальна: хозяйка квартиры, которую снимал мой товарищ, отказалась продлить договор (все-таки, прессинг, оказываемый СМИ на обывателей, возымел свое действие). И это притом, что человек несколько лет снимал эту квартиру, не вызывая никаких нареканий в свой адрес. В том же районе жил родственник моего товарища, у которого он и планировал провести какое-то время. Вещи все были перенесены, но еще оставался большой диван – тоже собственность приятеля. Бросать его было, видимо, жалко, а заказывать грузовую машину – дорого, да и время поджимало.

И тогда было принято беспрецедентное решение – перенести диван на руках. А это километра три (правда, это выяснится потом, а первоначально было заявлено о пятистах метрах). Из приглашенных на это мероприятие пяти – шести человек, почтили его своим вниманием я и еще один наш товарищ. Товарищ этот был кандидатом наук, хороший, в общем-то, человек, но для физических работ не слишком пригодный. Видимо, тоже слабо разобрался в текущем моменте. В общем, эйфории у меня не было ни с какой стороны. Да, чуть не забыл – этаж был девятый панельного дома без грузового лифта.

Я говорю: «Вы по такому светлому случаю хоть побрились бы». «Хотя, – думаю – зачем? Так даже гармоничнее – на грузчиков похожи». Как мы стаскивали диван вниз, не хочется и вспоминать – романтики в этом было немного, но впервые в жизни я пожалел,

что не занимался тяжелой атлетикой.

А вот главный процесс я запомнил надолго. Представьте себе такую картину: трое чеченцев (двое из которых ярко выраженные кавказцы), в центре Москвы, среди бела дня тащат огромный старый диван. Через каждые сто метров мы отдыхали, сидя на нем. Перед универмагом «Москва» сделали более продолжительную остановку. Надо было видеть лица прохожих. Скажу одно, в радиусе двадцати метров от нас никого не было. И это на Ленинском проспекте, едва ли не самом оживленном месте Москвы. От нас даже милицейские патрули шарахались – видимо, полагая, что мы – это забота врачей из клиники им. Кащенко. Это навело на мысль, что всем чеченцам в Москве нужно ходить с диванами под мышкой...

Сейчас этот случай без смеха нельзя вспоминать, но, сколько совсем не анекдотичных случаев пришлось пережить почти каждому из нас за последние лет пятнадцать – в такие условия был поставлен чеченский народ. Ситуация сейчас во всех областях жизнедеятельности улучшается, и, я уверен, наступит такой день, что жители других регионов будут завидовать нашему с вами благополучию и спокойствию. Согласитесь, что мы этого заслужили.

Муслим Гапуев

Дружба

написано Movladi ABDOLAIEV | 26.01.2010

Концовка чемпионата России по футболу 2005 года для грозненского «Терека» проходила весьма нервно. Первый же сезон

в премьер-лиге мог оказаться и последним. Каждое очко было на вес золота.

Накануне встречи грозненских футболистов (временно дислоцирующихся в Пятигорске) с казанским «Рубином», один высокопоставленный футбольный чиновник, приближенный к команде, пользуясь своими «высокими сведениями», разглагольствовал в среде многочисленных болельщиков: «Три очка в этом матче мы берем стопроцентно. Наш тренер давно дружит с Курбаном Бердыевым. «Рубину» выше четвертого места не подняться, а нам по дружбе они помочь могут».

Тот матч «Терек» проиграл 1:5.

Болельщики после матча говорили: «Как хорошо, что наши тренеры оказались друзьями, а то страшно представить, какой счет мог бы быть».

Муслим Гапуев

”Курчалоевский соловей”

написано Movladi ABDOULAEV | 26.01.2010

Генетика считается наукой изученной. Но, думаю, Лута Магомедов из селения Курчалой не мог и предположить, что его второй сын Султан, появившийся на свет 4 мая 1937 года, перенимет от него «музыкальный» ген. Иначе как объяснить тот факт, что мальчик петь начал раньше, чем говорить. И петь очень красиво. Лута же

в свою очередь, будучи религиозным деятелем, наряду с основателем Курчалоевского медресе Насу Ахматовым, имел очень красивый голос, а значит, был самым востребованным человеком на различных религиозных, праздничных и траурных мероприятиях. Забегая вперед, скажу, что красивые и мощные голоса Луты Магомедова и Насу Ахматова, так любимые народом, по достоинству «оценила» и власть, «наградив» каждого десятью годами лагерей. И только смерть Сталина дала им амнистию, не изломав вконец судьбы.

✘ Первые уроки пения Султан получил от отца еще до депортации на практике – Лута повсюду брал с собой Султана, и мальчик воочию видел правильные вокальные ориентиры. Это очень важно, когда изначально видишь перед собой высоко поднятую творческую планку и стремишься к ней. В этом плане Султану сильно повезло. Зато не повезло в том, что он так и не сумел получить музыкального образования. Хотя с другой стороны, нужно ли гениям образование? Имел ли в пять лет Моцарт образование, когда уже писал симфонии? Телониус Монк великим джазовым музыкантом стал без музыкального образования. Лучано Паваротти тоже нот не знал. Список можно продолжить. Многим бездарностям и наличие нескольких дипломов не помогает. А Султан без всякого познания нот сочинял не только песни, но и более сложные музыкальные произведения. И к образованию Султан стремился, но в его судьбе этого пункта заложено не было. Во время депортации были другие проблемы (и не только у Султана, а у чеченцев в целом). По возвращению домой появилась семья, дети. Да и популярность Магомедова росла как на дрожжах – тут уж совсем было не до учебы. А необходимость для музыкантов и исполнителей образования Султан понимал.

...Понимают ли это нынешние новоявленные «звезды»? Уровень музыкальной культуры в республике сильно упал по сравнению с прежними временами. Беседуя об этом со мной, народный артист ЧР Имран Усманов вспоминал, как в 1976 году его, только окончившего музыкальное училище, тогдашний министр культуры Чечено-Ингушской АССР Ваха Ахмедович Татаев для продолжения

учебы послал в Ростовскую консерваторию. Прежде было четкое понимание того, что величие народа измеряется культурой этого народа. И культуру всячески поднимали.

С этой целью и был в частности создан в 1934 году Чечено-Ингушский ансамбль песни, мелодии и танца, чуть позже переименованный в Чечено-Ингушский Государственный ансамбль песни и танца. Об этом ансамбле можно и нужно много говорить. Достаточно сказать, что большая часть коллектива с началом Великой Отечественной войны ушла на фронт добровольцами, из которых 25 человек погибли на полях сражений. Однако это не смягчило участи ансамбля...

Первая творческая фаза ансамбля завершилась в соответствии с нравами того времени: 23 февраля 1944 года ансамбль пригласили на шефский концерт, посвященный Дню Красной Армии, по окончании которого все артисты были задержаны работниками НКВД; у них отобрали весь артистический реквизит, включая костюмы, кинжалы, бустамаш (газыри). Затем, одетых в легкие костюмы людей, погрузили в товарные вагоны и отправили в Казахские степи. И это в февральские морозы. Так власть за хороший концерт отблагодарила чеченских артистов.

Второе рождение ансамбля состоялось в 1957 году (кстати, на базе этого ансамбля был впоследствии образован Государственный ансамбль танца «Вайнах»). В Алма-Ате, после жесткого отбора (не в этом ли кроется формула успеха) был сформирован Чечено-Ингушский ансамбль песни и танца. Солистом ансамбля был и Султан Магомедов, который в свои двадцать лет уже был довольно известным и зрелым певцом, и не удивительно, что очень скоро он стал выходить на первые роли в ансамбле. Концерты стали строиться под него. Султан обладал удивительно красивым голосом, который можно охарактеризовать как лирический тенор. Имран Усманов поделился со мной, как его в свое время очаровал голос Султана Магомедова. «Но как же я был удивлен, – говорит Имран, – когда позже узнал, что Султан не имеет музыкального образования. Пение – это кроме вокальных данных еще и поставленная техника дыхания. А без правильной постановки

голоса опытными преподавателями освоить самому это практически невозможно. Но Султан был щедро одарен природой помимо мощного и красивого голоса также и творческой интуицией. Воистину Султан Магомедов был самородком». Слова мэтра чеченской музыкальной культуры наилучшим образом дают оценку таланта Магомедова. Неспроста тогда его в народе прозвали «курчалоевским соловьем».

[two_third last=»no»] [/two_third] После реабилитации чеченцев и ингушей одними из первых домой по решению руководства республики вернулись артисты Чечено-Ингушского Государственного ансамбля песни и танца. Это должно было способствовать обеспечению праздничного настроения возвращающимся людям и поднятию культурного уровня населения в целом.

И артисты ансамбля работали, не покладая рук. В кузове старенького грузовичка ГАЗ – 51 мужской состав ансамбля, а в продуваемом со всех сторон не менее старом автобусе «Кубань» – женская половина, изъездили всю Чечено-Ингушетию вдоль и поперек.

Успех ансамбля был феноменальным. Коллектив часто выступал перед тружениками села, рабочими коллективами. Концерты проходили в маленьких районных или сельских клубах, в школах, заводских домах культуры. Все желающие, естественно, не могли попасть на концерт, и люди толпились в коридорах и на улице, пытаясь хотя бы таким способом быть причастными к празднику. Я встречался с некоторыми зрителями концертов начала шестидесятых. Улыбки озаряли лица уже престарелых людей только от одного воспоминания того праздника. Надо сказать, что и атмосфера тогда в самом чечено-ингушском обществе была эйфорическая. Хотя проблем у людей хватало, но со своей реабилитацией вайнахский народ связывал большие надежды. Саид Шаипов, солист хора ансамбля песни и танца, заслуженный артист Чечено-Ингушской АССР и народный артист Чеченской Республики вспоминает: «Мы уже ездили с концертами по соседним

республикам, а в скором времени исколесили всю территорию Советского Союза. Хотя материально-техническая база ансамбля оставляла желать лучшего, на концертах наши артисты творили чудеса. Залы всегда были заполнены до отказа». Слава шла далеко впереди ансамбля. Весть о том, что приезжают чеченские артисты, вызвала воодушевление в российских городах (сейчас в это трудно поверить, но это факт). Люди шли на концерт чечено-ингушского ансамбля, зная, что увидят настоящую экспрессию, будь то танцы или песни. А Султан Магомедов завораживал своим голосом слушателей раз и навсегда. Было как-то даже, что ансамбль в одной из воинских частей Дальнего Востока по просьбе командования части и личного состава трое суток выступал перед военнослужащими. Султан пел большинство песен на чеченском языке, но это не мешало людям понимать его – язык чувств и эмоций един для всех. Хотя, как-то, после одного из концертов за кулисы прошла женщина и попросила написать перевод текстов песен Магомедова, мотивируя свою просьбу тем, что такой голос может петь только высокую поэзию.

Надо сказать, что помимо Султана в ансамбле блистали и Шита Эдисултанов, и Зулай Сардалова, и Валид Дагаев, и Умар Димаев, и Саид Шаипов, и вернувшийся из Москвы, где успешно окончил Московский музыкально-педагогический институт имени сестер Гнесиных, Мовлад Буркаев и многие другие талантливые артисты. Правда, репертуар ансамбля на первых порах был довольно скудным – мало было хороших чеченских песен. Вот тут и проявился второй, не менее выдающийся, чем голос, дар Магомедова – композиторский. Написанные им в ту пору песни, такие как «Ломахь кхиъна зезаг» («Горный цветок») на стихи Шаида Рашидова, «Вай даймохк» («Земля отцов») на стихи Магомед Дикаева, «Лямнашкахь» («В горах») на стихи Абузара Айдамирова, «Маълхан нохчийчохь» («Солнечная Чечня») на стихи Хусейна Сатуева, «Езар» («Любовь») на стихи Раисы Ахматовой, «Зезаг» («Цветок») на стихи Магомед Сулаева, «Нохчийчохь» («Чечня») на стихи Билала Саидова являются жемчужинами чеченской музыкальной культуры.

В 1961 году в Москве проходила декада Чечено-Ингушской литературы и искусства. Участвовать в культурном форуме пригласили и Чечено-Ингушский Государственный ансамбль песни и танца.

Надо сказать, что это было не первое выступление в Москве чеченских артистов. В 1939 году в Кремлевском Дворце Съездов уже выступал коллектив из Чечено-Ингушетии. На концерте присутствовал Сталин и все Правительство СССР. Тогда солировал в ансамбле заслуженный артист РСФСР Ибрагим Батаев из селения Кулары. Любопытен факт, что его пластинку в конце 30-х годов выпустили в Москве. Саид Шаипов вспоминал, что во время депортации после работы люди набивались в комнату к счастливому обладателю патефона и слушали допоздна, заряжаясь энергией перед новым рабочим днем, грампластинку Батаева, волшебным способом провезенную в теплушке для скота в Среднюю Азию. Трудно себе представить, чтобы к кому-нибудь из нынешних новоявленных чеченских «звезд» отношение людей было бы столь трепетное.

На декаде чечено-ингушской литературы и искусства в 1961 году на артистов негласно была возложена очень ответственная миссия: показать стране, что вайнахи такой же народ, как и все остальные представители страны Советов, которому не чужды ни радости, ни горести, со своей самобытной культурой, танцами, песнями. Все же не будем забывать, что многие годы в головы обывателей вбивалось негативное отношение к чеченскому и ингушскому народу.

Перед отъездом в Москву Султан написал кантату «Привет Москва», поразив многообразием своего таланта всех своих коллег. Безусловно, столь сложное многочастное произведение, не имея музыкального образования, мог написать только выдающийся музыкант. На ноты произведения Магомедова, в частности ту кантату, перекладывал Александр Михайлович Халевский – один из немногих чеченских композиторов тех лет (хотя сам чеченцем, как вы понимаете, не являлся). Отец Александра Михайловича был, кстати, одним из основателей

Чечено-Ингушского ансамбля песни, мелодии и танца. Эти имена, наряду со многими другими, мы не имеем права забывать. Это часть культуры, а соответственно, и часть истории чеченского народа.

Но вернемся к декаде чечено-ингушской литературы и искусства. Кроме кантаты «Привет Москва», Султан специально для московских концертов написал несколько песен, включая и знаменитую «Асламбек Шерипов» на стихи Магомеда Дикаева, музыку для хорового пения и «Входной марш». Под этот марш артисты ансамбля в черкесках, подтянутые, молодые, красивые строем вышли на сцену Кремлевского Дворца Съездов. Это было эффектное зрелище. Зал буквально взорвался аплодисментами. Сразу после «Входного марша» коллектив ансамбля, а это около ста человек, исполнил песню «Приезжайте к нам на Кавказ», принадлежащую творческому союзу Магомедов – Дикаев (на фото справа). Участник тех концертов Саид Шаипов вспоминает: «Зрители так тепло нас принимали, что у нас, у артистов, постоянно возникало чувство гордости за свой народ». Ансамбль с большим успехом выступил также в респектабельном зале имени Чайковского и Доме Красной Армии.

Популярность Магомедова в Чечено-Ингушетии стремительно росла. Но, несмотря на это, Султан оставался простым и общительным человеком, легко сходящимся с людьми. В нем не было никакого зазнайства. А скромность очень ценится в нашем народе. Талант, помноженный на человеческие качества – вот формула любви и уважения Султана Магомедова народом. Чувство долга и патриотизма также было ему близко. По натуре своей Султан был общительным и веселым человеком. Его дочь Зара вспоминает, что в их доме всегда были гости, а двери дома были открыты даже ночью. Бывало, что Султана часто приглашали спеть на различных торжествах. И он, невзирая на усталость, недомогание или даже болезнь, ехал на мероприятие – отказать людям Султан не мог. И так практически без единого выходного. Петать приходилось без усилителя с микрофоном. Зимой выступали в холодных клубах в легких черкесках, когда, по словам очевидцев, и в тулупах было

холодно. Такой ритм жизни позже отразится на здоровье. Свою лепту в подрыв здоровья вносили и переезды в открытом транспорте, который зачастую подводил в самом неподходящем месте. Саид Шаипов вспомнил, что как-то их ГАЗик сломался ровно посередине реки Басс. Из оцепенения артистов вывел задорный клич Султана: «Ну, кто смелый – навались!». И закатив брюки, первым кинулся в ледяную январскую реку выталкивать грузовик. Султан во всех начинаниях был первым.

Беречь себя Султан так и не научился. Он никогда ни на что не жаловался, даже на здоровье, когда болезнь впоследствии стала брать вверх над ним.

Султан Магомедов был патриотом своего народа. В свое время его приглашали на самом высоком уровне учиться и работать в Азербайджан, но покинуть свою малую родину Султан не захотел, хотя материальные и бытовые условия в Баку были несоизмеримо лучше, чем в Грозном. Султан очень любил свой народ и пел для него. Люди же отвечали ему взаимностью. Но как ни парадоксально, народный певец звание «Народный артист ЧИАССР» так и не получил – чиновники напомнили ему про религиозную деятельность его отца и ограничились званием «Заслуженный артист ЧИАССР».

Но при этом Султан Магомедов два раза избирался в районный Совет народных депутатов, а без уважения и доверия людей это вряд ли было бы возможно. На людей, совершавших по отношению к нему несправедливость, зла не держал – качество, присущее только сильному и великодушному человеку. Но вот кого он точно не переносил, так это бездельников. Сам он не мог сидеть без дела и рядом находящихся заводил своим примером. Хотя и подход к работе в то время был более основательный, чем теперь. Ильяс Татаев в свое время рассказывал про съемки фильма «Эхо гор». По сценарию чабан – Султан Магомедов – гонит на пастбище отару овец, а рядом верный ему волкодав бежит. В реальной жизни волкодав отказывался подпускать Султана к отаре, и певцу пришлось целую неделю (!) прикармливать собаку, зато в нужной сцене она выглядела преданной. В наше время вы такое можете

представить? Сегодня с помощью высоких компьютерных технологий можно смонтировать хоть стаю саблезубых тигров возле себя, не то, что одну собачку. Но может, потому прежнее творчество артистов нам интереснее, что все было настоящее, без нынешней рафинированности. А о больной сегодня теме – фонограмме – раньше даже и не слышали.

Друзей у Султана было много, потому что он был из тех людей, что отдаст последнюю рубашку. Но самым близким другом все же была супруга Азма, с которой Султан прожил счастливые двадцать два года. А с какой теплотой и уважением вспоминала Азма Султана в передаче Имрана Усманова, посвященной 55-летию певца в 1992 году. С тех пор утекло много воды. К сожалению, в августе ушедшего года не стало и Азмы Магомедовой.

слева – Азма Магомедова,
справа – Зулай Сардалова

Султан Магомедов... Как же он много сделал для музыкальной культуры чеченского народа. Им написано более 150 (!) песен, кантат, маршей. Много сделано им и для ингушской культуры. Вспомним хотя бы «Песню Назрановской девушки» на стихи Саида Чахкиева, немало песен написано им на стихи Джамалдина Яндиева и других ингушских поэтов. К сожалению, две войны полностью уничтожили архив Султана Магомедова, нанеся тем самым невосполнимый ущерб культуре чеченского народа. Правда, работники «Центра народного творчества ЧР», под руководством известного композитора и исполнителя, заслуженного работника культуры ЧР Рамзана Даудова по крупицам собирают нашу классику, в частности, записи Султана Магомедова. Наличие в коллективе высококлассных специалистов и энтузиастов своего дела вселяет в меня уверенность в успешной работе этих людей. Особо хотелось бы отметить заслуженного артиста ЧИАССР, ветерана труда Саида Шаипова, который, на мой взгляд, является живой энциклопедией чеченской культуры, заслуженного работника культуры ЧР Сержан Темирбулатову, Розу Терлоеву, Розу Даудову,

Зару Шатаеву и других.

Всякий великий талант, платя дань веку, творит и для вечности. Со временем, я уверен, произведения Магомедова будут изучать в школе. А сейчас мы, к сожалению, пожинаем плоды двух войн – нынешняя молодежь начисто лишена представления о многих классиках чеченской культуры, в том числе и о творчестве Магомедова. Опрос на улицах Грозного показал, что из 10 респондентов семеро не имеют ни малейшего представления о том, кто такой Султан Магомедов. Двое сказали, что это артист (весьма расплывчато), и лишь один респондент ответил, что певец (и то, потому что, это любимый певец его отца; о том, что Магомедов был еще и композитором, думаю, молодой человек даже не догадывался). Зато отлично знает наша молодежь американских рэпперов. Я не хочу быть брюзгой – все же у каждого поколения своя музыка. Но мне ненормальным кажется то, что многие представители молодежи своих выдающихся музыкантов не знают, а зарубежную пошлятину культивируют (хотя своей пошлости на сцене тоже предостаточно). Ведь величие нации определяет уровень культуры народа. Трудно сказать, была бы Америка великой страной, не имей она Пресли или Синатру. Ведь не только наличие ядерного оружия и золотого запаса позволяет считать ее таковой. Но незнание своей культуры скорее не вина, а беда молодежи. К сожалению, сейчас даже при желании трудно достать записи с уже ставшими чеченской классикой музыкантами. Их попросту нет. А ведь было время, когда Всесоюзная фирма грамзаписи «Мелодия» (ныне ФГУП «Фирма Мелодия») издавала записи мастеров чеченской сцены на дисках-гигантах и миньонах. Так в свое время на виниловых носителях был издан тот же Султан Магомедов, Марьям Айдамирова, Валид Дагаев, Рамзан Паскаев, Умар Димаев, Саид Шаипов, Джунид Дикаев и другие.

Фонды ФГУП «Фирма Мелодия» являются богатейшим хранилищем российского и мирового музыкального наследия, и я уверен, что в запасниках предприятия сохранились матрицы, а то и оригинальные альбомы с записями чеченских артистов прошлых лет. Думаю, что руководство ФГУП «Фирма Мелодия» не откажет

Чеченской Республике в помощи по переизданию культурного наследия, утерянного в связи с известными событиями. Этот вопрос нужно решать на уровне Министерства культуры ЧР. Недавно назначенный министр культуры ЧР Дикалу Музакаев, человек в культуре далеко не случайный, как никто другой должен быть заинтересован в издании чеченского музыкального наследия на современных носителях, потому что сам является частью той культуры. А то, что такая музыка нужна – несомненно. Великая сила искусства поднимает с глубины души самые трепетные чувства – любовь, сострадание, патриотизм. Думаю, что эти чувства нам, уставшим от неурядиц последних лет, нужны, как никогда прежде.

А для чеченских музыкантов (особенно певцов) Магомедов должен был быть ориентиром, как эталоном из Палаты мер и весов. Понятно, что таким талантом Всевышний наделяет только избранных, но стремиться к творческой планке, так высоко поднятой Султаном Магомедовым должны все исполнители.

1980 год – год Московской Олимпиады – должен был принести, казалось, только положительные эмоции. Дочь Султана Зара вела тогда дневник – записывала в него свои девичьи переживания. Первая, болью отозвавшаяся в ее сердце, запись была сделана 26 июля – на другой день после смерти Владимира Высоцкого, следующая – после смерти Джо Дассена 20 августа. 8 декабря трагически погиб экс – «Битл» Джон Леннон. Зара любила музыку и потому переживала по поводу смерти этих музыкантов. Она не знала, что до смерти самого любимого ее музыканта – отца, осталось менее двух недель. Султан болел, но болезнь его не предполагала летальный исход. Но от многолетней работы на износ организм истощился, и 20 декабря 1980 года великого чеченского певца не стало. Ему не было и 44 лет.

На похороны в селение Курчалой съехалось, казалась, все население республика – Султан воистину был народным певцом.

Он раздал свою жизнь людям в виде своих песен. Жизнь Султана Магомедова хоть и была короткой, зато людская память в веках

будет помнить его.

P.S.

Последняя написанная Султаном незадолго до смерти песня на стихи великого чеченского поэта Магомед Мамакаева называлась «Лебединая песня» («ГІургІезийн илли»)

Гении всегда все знают наперед...

Муслим Гапуев, (Газета «По Делу» №3, 2007 г.)

Жизнь, отданная искусству

написано Movladi ABDOULAEV | 26.01.2010

16 августа исполняется 50 лет с начала творческой деятельности бывшего солиста хора Чечено-Ингушского Государственного ансамбля песни и танца (впоследствии «Вайнах») Саида Шаипова. Мимо такого юбилея мы не могли пройти. Я долго подбирал эпитеты к Саиду Эдисултановичу. Выдающийся? Пафосно, да к тому же сам Саид это отвергнет. Легендарный? Но не принято у нас живых считать легендами. Знаменитый? Раньше – да (хотя и тогда он в силу своей скромности был в тени некоторых своих коллег), а теперь его вспомнят лишь люди старшего поколения...

Но эпитет «интересный» применительно к Саиду Шаипову приходит в голову сразу. Ему хоть и за 70 лет, он не потерял ясность ума, память практически не дает сбоев, а культурным познаниям его позавидовал бы любой искусствовед. К тому же он, интересный рассказчик, всецело захватывающий собеседника.

Общаясь со мной, Саид вспоминал свой жизненный путь, по которому можно проследить исторический отрезок трагической судьбы чеченского народа. Говорили мы также об ансамбле «Вайнах», солистом хора которого он проработал долгие годы, о состоянии дел в современной культуре, о выдающихся деятелях чеченской культуры, многих из которых, увы, уже нет с нами...

Султан Шаипов, 1954г.

...Память субстанция избирательная. В этом я еще раз убедился, когда Саид Шаипов раз за разом уходил в далекие воспоминания своего детства. Казалось бы, сколько в его долгой жизни было и счастливого и трагического, а память Саида возвращается в то время, когда среди прочей детворы он купается в небольшой речушке Искирка, лазает по деревьям, бегают с другими детскими забавами по живописным окрестностям селения Хиди-Хутор Курчалоевского района. Счастливое было время для Саида. Ничто тогда не предвещало беды. Даже начало войны не пугало мальчика – у него не было никаких сомнений, что «наша страна» скоро победит. Но страна маленького Саида своим не считала (как впрочем, и весь чеченский народ). Это стало ясно 23 февраля 1944 года, когда всех хуторян под автоматами погрузили в товарные вагоны и отправили в холодную Сибирь, а сам хутор сожгли дотла. Мать Саида Саламат была сильно простывшей, а многодневная дорога в холодном вагоне окончательно подорвало ее здоровье – в первую же зиму она умерла. Ей не было и тридцати лет. Воспоминание о матери Саид пронес через всю свою жизнь. Став впоследствии певцом, он исполнил немало песен, многие из которых позабылись, но его песня о матери «Нана» вспоминается людьми среднего и старшего возраста сразу, поскольку спел ее Саид Шаипов с невероятной чувственностью.

Но смерть матери была не последняя беда, что пришла в их маленькую полуподвальную хижину, построенную отцом. Именно в ней, ровно через год после смерти матери, умер и отец Саида

Эдисолта. Видимо после смерти жены оборвалась его жизненная нить.

«Я часто думал: в чем были виноваты мои родители и сотни тысяч других людей, – делится переживаниями Саид. – Люди работали, растили детей, хотели своего небольшого человеческого счастья...».

Со смертью родителей окончательно закончилось детство Саида. Ему было всего одиннадцать лет, когда на него свалилась ответственность за семилетнюю сестру Маидат и четырехлетнего брата Леида. Близких родственников рядом не было – в первые годы депортации все было хаотично раскидано по разным населенным пунктам. «Как в ту зиму мы выжили – известно одному Всевышнему, – вспоминает Саид. – Там зимы и так холодные, а та, с пятиметровыми снежными сугробами, надолго запомнилась». Чтобы прокормить младшую сестру с братом, Саид брался за любую работу. Как-то он пошел на колхозное поле выкопать под снегом немного картошки. За этим занятием Саида застал бригадир и сильно избил плетью. Аргументы, что дети голодны, а мерзлая картошка ни для чего не пригодна, тогда во внимание не брались.

Остаться в селе Куропаткино Кокчетавской области было дальше невозможно. Взрослым было трудно прокормить себя, а тут дети. И с первыми признаками весны Саид с братом и сестрой отправились на поиски своего счастья в областной центр. Кокчетав был небольшим, но красивым городом, стоящим на берегу озера Копа и, в основном, застроенный маленькими деревянными домами, под крыльцом одного из которых и устроились на ночлежку дети. Ночью холод был ужасный. Дети сильно продрогли, а младший брат Саида стал хныкать.

Тут судьба, посчитав, что испытания на долю детей выпали немалые, решила смилостивиться: дом, приглянувшийся детям, по воле случая оказался Домом-музеем Куйбышева – видного советского политического деятеля, директором которого была его родная сестра Елена Владимировна. Она-то и услышала детский

плач. Дети немедленно были извлечены из-под крыльца, отогреты, умыты, накормлены. Можно сказать, что встреча с этой удивительной по своей доброте женщиной была судьбоносной. Больше двух лет прожил Саид с братом и сестрой в Доме-музее, и все это время Елена Владимировна опекала детей, заботилась о них, и смогла в какой-то степени своей душевной теплотой компенсировать отсутствие родителей. Часто к ней из Самары приезжала ее старшая сестра Надежда Владимировна. Привозила детям разные сладости, подолгу возилась с ними. «Очень добрые были эти две сестры, – говорит Саид. – Много нам дали в плане воспитания и становления».

Да, надо быть очень сердобольным человеком, чтобы оставить проживать в Доме-музее, а, по сути, в маленьком, двухкомнатном домике троих детей другой национальности (к тому же «опальной») и вероисповедания. Это означало обречь себя на определенный дискомфорт – ведь часто к Елене Владимировне приезжали гости. А поскольку одна комната была отдана чеченским детям, можно представить в какой тесноте приходилось общаться хозяйке Дома-музея с гостями.

А гости почти все были видные, с высоты нашего времени, представляющиеся даже историческими личностями (не всегда, правда, положительными). Хорошо помнит Саид, например, приезд к Елене Владимировне первой в мире женщины–посла Александры Михайловны Коллонтай, Веры Михайловны Димитровой – супруги генерального секретаря КП Болгарии, Софьи Дзержинской – супруги зловещего Председателя ОГПУ, Елены Чаушеску, спустя много лет вместе со своим супругом Николае – генеральным секретарем КП Румынии, казненной своим же народом. А с Анастасом Ивановичем Микояном – на тот момент зам. Председателя Совета Министров СССР и одновременно министром внешней торговли – Саиду даже удалось пообщаться.

На ломаном русском языке мальчик спросил у влиятельного советского чиновника: «Зачем нас сюда привез? Мама помер, отец помер, я на Кавказ хочу». Саид вспоминает, как Микоян, погрустнев, погладил ему голову. «Пока маленький поживи здесь.

Домой ты обязательно вернешься, а вырастешь большим – многое сам поймешь», – только и сказал он. Шел 1946 год.

Сейчас принято чернить всех политических деятелей того периода. Да, время было страшное, особенно для депортированных народов. А разве период с 1991 года был более легким и понятным для чеченского народа? Но и сейчас и тогда в государственной системе работали люди нравственные, честно выполняющие свои профессиональные обязанности.

Наверняка таким, судя по сестрам, был и Валериан Владимирович Куйбышев, умерший десятью годами раньше.

...Размеренная жизнь детей, однако, неожиданно закончилась: Елене Владимировна серьезно заболела и вынуждена была уехать в Москву на длительное лечение. Детей пришлось отдать в детский дом. Годы, проведенные Саидом в детдоме, явились очередными курсами университета под названием жизнь. Но ему опять-таки повезло с учителями и воспитателями. «Мне в жизни всегда везло на хороших людей, – делится своими мыслями Саид. – Может быть, оттого и не очерствел душой. Для артиста это очень важно – ведь зрители очень тонко чувствуют фальшь». А в том детдоме воспитатели были не только грамотными педагогами, но и добрыми и гуманными людьми, вкладывающими в детей всю душу. Они в первую очередь прививали детям чувство доброты. А к чеченским детям отношение воспитателей было, со слов Саида, даже более чутким – они понимали, насколько тяжелые испытания выпали на весь чеченский народ, ну а уж на этих трех детей...

До сих пор (хотя прошло почти шестьдесят лет) Саид помнит фамилии своих учителей и воспитателей. «Благодаря чуткой заботе этих прекрасных женщин мы не стали агрессивными, а наоборот тянулись к прекрасному, в частности, к музыке» – говорит Саид. Уже тогда, участвуя в самодеятельности, Саид успел хорошо проявить себя, став первым голосом хора.

Сергей Руцкой (флейтист ансамбля), Султан Магомедов, Алихан Имагожев, Саид Шаипов, Зелимхан Дудаев, Супьян Цугаев (трагически погиб во время войны).
Середина 1970-х.

Четыре года пребывания в детдоме пролетели незаметно. Дальнейшую свою жизнь Саид планировал связать с достойной рабочей профессией. Он даже окончил Карагандинское строительное училище, получив специальность «штукатурщик-лепщик». Этот период жизни Саида Шаипова совпал со временем реабилитации чеченского народа. Тогда же Александром Халевским и Абдуллой Хамидовым стал воссоздаваться Чечено-Ингушский Государственный ансамбль песни и танца. Необходимость возрождения этого коллектива была обусловлена и политическим моментом – решением высшего руководства СССР возвратить на историческую родину чеченцев и ингушей. Коллектив ансамбля, по мнению партийных руководителей, должен был «упорядочить и окультурить» эмоции людей, поднять в целом культурный уровень вайнахского народа, становящегося в один ряд с другими народами Советского Союза. Хотя понятно, что из этой шеренги в 1944 году вайнахов выбило не отсутствие культуры, а политические игры отдельных персонажей.

Если воссоздавался Чечено-Ингушский Государственный ансамбль песни и танца в 1957 году не без политического решения, то создавался он в 1939 году исключительно из творческих побуждений. Интерес к вайнахской культуре тогда в стране был высок. Неспроста многие видные советские этнографы, писатели и композиторы приезжали в Чечено-Ингушетию в поисках материала для своих научных и творческих исследований. К примеру, еще в 1926 году в Москве был издан сборник «30 обработок чеченских народных мелодий».

Успехи же Чечено-Ингушского Государственного ансамбля песни и

танца уходят корнями в народное творчество. Так в 1939 году Москве в Кремлевском театре проходил Всесоюзный конкурс исполнителей на народных инструментах. Первое место заняла известная в ту пору гармонистка из Гудермеса Маржан «Чергзи». Вторым стал чеченский гармонист Умар Димаев. Он уступил лишь многоопытному домбристу Джамбулу Джабаеву – народному акыну Казахстана. Это был большой успех чеченской культуры, которая в тот период была на высоком уровне. Уместно вспомнить имена людей, внесших в тот период весомый вклад в чеченскую культуру: гармонистку из Ачхой-Мартана Еситу Ганукаеву, гармонистов Джунида Дикаева из с. Бердыкель – отца известного поэта Магомеда Дикаева, Абдулхамида Димаева – старшего брата Умара Димаева, Ильяса Бачиюртовского – учителя многих известных впоследствии гармонистов, Барзу Эзерханова из Герзеля и других музыкантов. Все они впоследствии блистали в составе ансамбля и принесли много славы своей республике и народу. Именно в то время в коллективе танцевал и легендарный Махмуд Эсамбаев.

«Очень жаль, что имена многих выдающихся музыкантов забыты, – говорит Саид Шаипов. – Ведь настоящее и будущее нашей культуры может строиться только на культурном наследии предшественников, на знании истории своего народа в целом и культуры его в частности». С этим трудно не согласиться.

Возвращаясь к воссоздаваемому ансамблю песни и танца, надо сказать, что конкурс в него был огромный. Наплыву людей, помимо творческой мотивации, способствовало еще объявление о том, что артисты первыми вернуться домой. Для Саида, который спал и видел родные горы, реки, сады это был мощный стимул. Он признался мне, что даже плакал от тоски по родине. Не хотел я этого писать – может Саиду будет стыдно за свою сентиментальность. Затем подумал: пусть стесняются те, для кого Родина – пустой звук, кто продает ее за возможность быть на чужбине человеком второго сорта, кто постоянно хает ее, вместо того, чтобы, засучив рукава, делать ее процветающей. Ведь благополучные страны, на которые мы с пиететом смотрим,

такowymi сделали своими руками ее жители, а не марсиане, по случаю прилетевшие на Землю показать свои новые технологии.

Впрочем, я отвлекся. ...Отбор в состав хора ансамбля Шаипов прошел легко – так чувственно он спел несколько песен на разных языках, что у комиссии не было никаких сомнений в его профпригодности. Хотел он стать строителем, а стал певцом. Как говорится, от судьбы не убежишь. Тут надо открыть маленький секрет: еще учась в строительном училище, Саид находил время и возможность посещать педагога по вокалу. Без всякой видимой выгоды, только из любви к музыке. А за такой подход к делу судьба, как правило, вознаграждает. А разве не вознаграждением является зачисление его 16 августа 1957 года солистом хора Чечено-Ингушского Государственного ансамбля песни и танца? Коллектив ансамбля нынче назвали бы «звездным», хотя раньше, естественно, такого понятия не было. Были, конечно, творческие амбиции – куда без них артисту – но все участники коллектива понимали, что они являются неотделимой частью народа. А как народ любил их за эту скромность, помноженную на безмерный талант...

✘ Саид Шаипов, рассказывая про те годы, на повествование накладывает такие эмоции, которые эпистолярный жанр не может передать. «Не было ни единого концерта, чтобы зрители, стоя, долгими овациями не приветствовали артистов, не просили автографов. Нередки были случаи, когда люди целовали полы черкесок, отрывали на память с одежды какой-нибудь кусок материи» – вспоминает Саид. Ансамбль объездил с концертами всю территорию безграничного Советского Союза. Везде успех был ошеломительный. Таким же он был и за рубежом, куда артисты неоднократно выезжали – ведь язык музыки и танца понятен всем.

К середине концерта, где бы он ни проходил, равнодушных в зале уже не было – танцы заводили своей искрометностью с первого «па», музыка «зажигала» своей экспрессией с первой ноты.

Вспоминая то время, танцор «золотого» состава ансамбля «Вайнах» Ваха Идрисов делился со мной: «В конце 60-х, начале

70-х годов выехать за рубеж простому гражданину СССР было почти невозможно. А о чеченцах и говорить нечего. Даже спортсменов чеченских пускали за рубеж на международные турниры крайне редко. А мы в составе ансамбля объездили почти весь земной шар, ну разве что не были в Австралии и в Арктике, – смеется Ваха. – Танцоров узнавали на улице сразу – мы были подтянуты, хорошо одеты, с хорошими манерами. Но пижонства никакого не было – мы знали, что представляем весь чечено-ингушский народ, а это накладывало на поведение колоссальную ответственность».

Задора и эмоций артистам было не занимать, хотя условия для работы были не самыми лучшими. Особенно много нареканий вызывал вечно ломающийся транспорт. Представьте сцену: коллектив ансамбля – женская часть на автобусе «Кубань», а мужская – на грузовике «ГАЗ – 51» – выезжает на концерт в один из районов Чечено-Ингушетии. Подстегиваемый задорными возгласами, водитель ГАЗика лихо обгоняет автобус с девушками и мчится со счастливыми и гордыми («знай наших») мужчинами в кузове к цели. Но через пару километров мотор грузовичка, по всем законам комедийного жанра, глохнет. ...Передать саркастическое выражение лиц девушек, догнавшими и перегнавшими мужчин, нет никакой возможности – каждый представит их в меру своей фантазии. «Но как бы не было тяжело, мы никогда не теряли присутствия духа, – вспоминает Саид. – Во-первых, были молоды, а во – вторых, в нашем обществе тогда была возвышенная аура».

Коллектив ансамбля состоял в ту пору из семидесяти пяти человек: танцоров, певцов и музыкантов, сопровождающих коллектив. В нем выделялись такие танцоры, как Сайд-Эмин Януркаев, Ваха Дакашев, Шита Эдисултанов, Султан Абдусаламов, Ваха Идрисов, Зулай Сардалова, Маржан Исакова; из певцов – Султан Магомедов, Валид Дагаев, Мовлид Буркаев, Саид Шаипов; из музыкантов – Умар Димаев, Рамзан Паскаев (который, хоть и был совсем юным, играл на гармонии виртуозно). В ансамбле бок о бок с чеченцами и ингушами танцевали представители и других

национальностей, что лучше любых слов свидетельствовало о дружбе народов (тогда это выражение пафосным не казалось). Можно вспомнить Галину Бухарову (впоследствии Бетиева), Тамару Синявскую (Дугаева), Александра Петрова (псевдоним Ансар Хашумов), Владимира Зорича, Джульетту Кукишвили и других.

Надо сказать, что коллектив всячески поддерживал тогдашний министр культуры ЧИАССР Ваха Ахметович Татаев. Так, будучи драматическим режиссером и артистом, окончившим театральный институт им. Станиславского (кстати, Ваха Ахметович был и учеником Константина Сергеевича), он иногда и сам проводил репетиции.

За долгие годы существования ансамбля им руководили разные и по характеру и по мировосприятию люди. Некоторых Саид вспоминал с большой теплотой, как, например, Мусу Баутдиновича Гешаева, работавшего директором коллектива на стыке 60-70 годов и очень много сделавшего для него. В частности, из Большого Театра Гешаевым была приглашена главный мастер по национальным костюмам Эльвира Мутушева, которая сшила для танцевального состава ансамбля очень красивые и богатые костюмы. Также был приглашен абхазский балетмейстер Георгий Капланович Дзыба, сильно поднявший уровень танцев.

Певческое мастерство Шаипова в те годы было очень высоким. К тому же, на концертах он пел на различных языках: казахском, татарском, литовском, китайском. Неспроста его приглашали для совместного дуэта известные и популярные в то время Ермек Серкибаев – народный артист СССР, Роза Багланова – народная артистка СССР, Бибигуль Тулегенова – народная артистка СССР, чье колоратурное сопрано было известно во всем мире.

В 1968 – 1970 годах на Всесоюзной фирме «Мелодия» вышло три диска-гиганта и множество миньонов с записями песен Саида Шаипова, которые быстро разошлись.

В 1970 году, будучи с коллективом на гастролях в Кокчетаве, Саид Шаипов сумел исполнить свою давнюю мечту – раскопать и

скрытно провезти на малую родину для перезахоронения останки матери. Быть похороненной на земле предков было последним ее желанием. Узнав об этом факте, руководивший в ту пору коллективом ансамбля Муса Гешаев, написал стихи, на которые позже была написана песня «Горы, горы». Вряд ли она оставила равнодушным хоть одного, кто ее слышал.

..Однажды с чемоданом друга встретил:

- Ну, что везешь, успел богатым стать?
- Останки матери я вырыл, – он ответил,
- Везу на родину, чтоб их земле предать.

✘ Тогда же в Кокчетаве, Саид встретился с Еленой Владимировной Куйбышевой. На сохранившейся фотографии их встречи видно, сколько материнской теплоты было в глазах пожилой женщины. Ну а уж о Саиде и говорить не стоит. «Она мне в немалой степени заменила родителей, – говорит Саид. – Рад, что перед самой кончиной Елены Владимировны удалось с ней увидеться»

К началу 70-х годов ансамбль разросся до 125 человек. Коллектив много гастролировал, а возить такой многочисленный состав по стране было тяжело. К тому же намечались многочисленные зарубежные гастроли. Пришлось сократить вокальную группу – ее передали в филармонию. В составе ансамбля «Вайнах» (именно в это время ансамбль обрел это название) остался хор из 6 человек, в который входили Султан Магомедов, Валид Дагаев, Саид Шаипов, Алихан Имагожев, Бауди Хатуев, Шамсуддин Сардалов. Солистом хора Саид проработал до начала первой военной кампании, тяжесть которой (как, впрочем, и последующей) перенес дома.

Саида Шаипова смело можно назвать человеком-энциклопедией – те познания (не только в области культуры), которыми он обладает, могли бы снискать ему ученую степень, работай он на научной ниве. Неспроста известный певец и талантливый композитор,

заслуженный деятель искусств ЧР Рамзан Докаевич Даудов – директор центра народного творчества – привлек Шаипова для работы по восстановлению творческого наследия чеченских артистов прежних лет, во многом уничтоженных двумя военными кампаниями.

Чувство любопытства (в хорошем смысле слова) было присуще Саиду всегда. К примеру, приехав в составе ансамбля на гастроли в какой-нибудь новый для себя город, он тут же приступал к изучению достопримечательностей и истории данного населенного пункта.

Говоря о делах в республике, Саид полон оптимизма: «Думал – не доживу до того дня, когда все здесь будет возрождаться, но рад, что ошибся». Саид вспоминает, как на одном мероприятии пожелал первому Президенту Чеченской Республики Ахмат-Хаджи Кадырову не сворачивать с взятого курса. Это было за два месяца до его трагической гибели. «На счастье чеченцев, его сын Рамзан подхватил эстафету и достойно несет ее» – говорит Саид.

Нынешнего министра культуры Дикалу Музакаева, Саид запомнил, когда тот еще подростком пришел в коллектив. И запомнил не только из-за выразительных глаз и вьющихся волос. По воспоминаниям Саида, Дикалу, с первых своих шагов на сцене, проявлял не по годам зрелое мастерство в танцах. Впоследствии, после армии, немного проработав в «Вайнахе», он уехал учиться в ГИТИС, который окончил с отличием. После первой военной кампании Музакаев был назначен руководителем ансамбля «Вайнах». Хозяйство ему досталось разрушенное, что и говорить. Однако, Дикалу, наладив дисциплину и обновив репертуар, поднял коллектив на новую высоту. Саид выразил уверенность в том, что и с обязанностями министра он успешно справится («талантливый человек – талантлив во всем»), хотя «подводных камней» на этой работе будет предостаточно.

Но оптимизм Саида сменяется грустью, как только он вспоминает своих коллег-соратников, многих из которых уже нет с нами: Сайд-Эмина Януркаева, Зулай Сардалову, Шиту Эдисултанова,

Султана Абдусаламова, Султана Магомедова, Азман Азмуратову, Кюри Раисова, Баку Абубакарова, Сайд-Магомеда Юсупова, Хамзата Гисаева, Супьяна Цугаева, Абдулвахида Дамкаева, Маржан Исакову, Мовлида Буркаева... На сегодняшний день ветеранов легендарного ансамбля осталось совсем немного. Да и жизнь у них далеко не сахарная. Люди, отдавшие культуре своего народа лучшие годы своей жизни не должны жить за чертой бедности (а в некоторых случаях и в нищете). Умершим мы умеем воздавать по заслугам. Когда же мы научимся обращать внимание на проблемы живых.

На свою судьбу Саид не жалуется, считая, что она у всех чеченцев похожа. Правда здоровье стало в последнее время сдавать – возраст сказывается. Да к тому же, два года назад, какой-то автолихач сбил Саида, сделав его, по сути, инвалидом. Пенсии хватает только на один курс лечения.

Но при всех жизненных неурядицах, душой Саид Шаипов остался таким же молодым и излучающим добрую энергию человеком, каким был пятьдесят лет назад.

А доброта нам сейчас так необходима...

Муслим Гапуев (Газета «По Делу» №5, 2007 г.)

Наша справка:

Саид Эдисултанович Шаипов

Род. 01.01.1934 г., народный артист ЧИАССР,

Многие годы, начиная с 16 августа 1957 года, был солистом хора Чечено-Ингушского Государственного ансамбля песни и танца (впоследствии «Вайнах»).

Награжден медалью «Ветеран труда», золотой медалью «За шефскую работу над селом», медалью «100 лет профсоюзам России», грамотами Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР, грамотой Президента Чеченской Республики.

WSPORT-SHATOY дополнение: Саид Шаипов умер 2-го января 2009 года. Дала геч дойла цунна.

Лезгинка победителя

написано Movladi ABDOULAEV | 26.01.2010

WSPORT-SHATOY предисловие:

Алым Ачичаев – первый чеченец, ставший чемпионом СССР по тяжелой атлетике. Еще в далекой юности он поставил перед собой цель – стать высококлассным спортсменом. И шел к этой цели преодолевая любые препятствия, без тени сомнения и капли колебания. Ради достижения своей цели он мог переезжать в любые концы необъятного Советского Союза, из Чечни на Дальний Восток, оттуда на Украину. Самоотверженно тренировался, часто ночуя в спортзале. Ни на минуту, ни на секунду он не свернул со своего пути и добился своего. Он стал лучшим в Союзе, был сильнейшим в мире, но не попал на чемпионат мира из-за козней чиновников.

Но, положа руку на сердце, признайтесь – кто из вас до сих пор знал что-нибудь об этом великолепном спортсмене? Вот это обидно – забываются герои спорта нашего народа. Не вспоминает о них руководство республики, чтобы поблагодарить, поощрить, поддержать.

Не вспоминает спортивное руководство, хотя ветераны могут еще много лет передавать свой богатый опыт молодёжи. И большое спасибо Муслиму Гапуеву, который не жалея сил и своего свободного времени вытаскивает этих героев из забвения.

Алым Ачичаев

Время – субстанция суровая. Особенно для спортсменов. Еще вчера спортивным героям рукоплескали стадионы и Дворцы спорта, писали в газетах, показывали по телевизору, а сегодня их может никто и не вспомнить. Да что там не вспомнить – элементарно не знать. Но народ, который забывает своих героев, превращается в толпу. А толпой быть, мы не имеем права – слишком много отдали чеченцы за то, чтобы сохранить свою самобытность.

Каковы мотивы, побуждающие людей заниматься спортом? Известны физиологические, психологические, социальные, материальные... В какую из этих категорий входит занятие спортом из-за желания взять реванш? Алым Ачичаев решил стать сильным только из желания отомстить своему обидчику. Дело, может, не стоило и выеденного яйца: сосед, приходившийся к тому же дальним родственником, используя этот свой статус и более старший возраст, в целях воспитания Алыма, часто устраивал ему трепки. А перед самым своим уходом в армию побил сильнее обычного – «чтобы не забывал». Алыма душила сильная обида оттого, что он не смог дать, как следует сдачи. Сколько мальчишек проглатывали такие обиды, но не таким был характер у Алыма.

Решение стать сильным возникло спонтанно, но от этого со временем не улетучилось. На деньги, заработанные в полеводческой бригаде, Алым купил в спортивном магазине Грозного двухпудовую гирю. То, что тринадцатилетний мальчик дотащил ее из центра Грозного до села Герменчук, уже можно назвать маленьким подвигом. Алым смеется: «Немало всего было в моей жизни, многое стерлось из памяти, но все подробности той

«операции» помню отчетливо. И то, что гиря стоила 4 рубля 80 копеек, и то, как в трамвай ее втаскивал, и то, что проезд до села стоил 43 копейки». От себя добавлю, что дорога от автобусной остановки до дома Алыма совсем не близкая, и ее прохождение с тяжелым снарядом можно считать первой полноценной тренировкой.

Уникальная фотография. Середина 60-х годов прошлого века. Алым Ачичаев тренируется во дворе своего дома в селе Герменчук.

Гиря притягивала магнитом всех соседских подростков – развлечений в селе было не очень много. Во дворе Ачичаевых образовалось что-то наподобие атлетического клуба, активными участниками которого стали Вахид Зелимханов и Хамид Товсултанов. Ребятами из кусков железа, тракторных рессор и другого подсобного материала были сделаны гантели и штанги. Настоящим подарком судьбы для Алыма стала книга «Атлетизм», приобретенная в киоске пединститута. Она, естественно, была зачитана до дыр.

Были и курьезные случаи. Как-то Алым вместе с Вахидом и Хамидом поехали в Горячеводск к своему знакомому, который обещал им настоящую штангу. ... Грузовик, который подвез ребят до Грозного, остановился прямо напротив отделения милиции. Можете себе представить реакцию сотрудников милиции, когда из грузовика подростки начали выгружать какие-то железяки. Друзьям долго пришлось объяснять, что проржавевшие блины и гриф ими нигде не сворованы, и что в совокупности они составляют штангу, которая им нужна для физического совершенствования. «Если вы действительно из этого ржавого металлолома сможете сделать штангу, а затем будете ею

тренироваться, то далеко пойдете» – только и сказал начальник отделения милиции. Штангу перевозили в трамвае до автостанции, а затем в автобусе до села. Те грозненцы, которым довелось понаблюдать картину транспортировки сначала гири, а затем штанги, вероятно, подумали, что тяжелоатлеты свой инвентарь всегда возят с собой.

Три года пролетели незаметно. Вот и обидчик вернулся из армии, повзрослевший и возмужавший. И как же он был удивлен, увидев Алыма Ачичаева, который из худосочного мальчишки превратился в крепкого мускулистого парня – долгие тренировки даром не прошли. Реванш, естественно, состоялся. Алым, с великодушием победителя, поблагодарил обидчика трехлетней давности: «Без твоей помощи я не занялся бы спортом».

Будучи старшим в семье, Алым помогал родителям по хозяйству и даже зарабатывал на сезонных работах в совхозе. При покупке Адамом – отцом Алыма – осенью 1962 года мотоцикла ИЖ – 49, заработанные сыном деньги стали весомым вкладом в столь дорогую и нужную покупку. Парень радовался, что сумел стать настолько взрослым, что принимает участие в таких важных для семьи делах. Радость эта продолжалась до 11 мая 1963 года – дня, когда в аварии погиб отец Алыма. Адам Ачичаев был учителем. Даже после депортации в Казахстан, преподавал там математику. Хотя в селе его помнят и как отличного кузнеца, и столяра, и плотника. Но главным образом – как хорошего человека. До сих пор служат людям сделанные руками Адама окна, двери и другие нужные в хозяйстве предметы и инвентарь, за которые во многих случаях он денег не брал. Алым признается, что долгие годы в душе носит занозой мысль о косвенной причастности к гибели отца – ведь без денег Алыма покупка не состоялась бы. Смерть отца стала по-настоящему сильным ударом для парня. Но беда, как известно, не приходит одна. На плечи Алыма легла ответственность за двух младших братьев и двух сестер. На первых порах было очень тяжело. Пенсия за отца в размере 50 рублей еле хватало на пропитание. Но мир, как известно, не без добрых людей. Благодаря Магомеду Исаеву –

директору шалинского райбыткомбината – парень стал работать радиомастером (редкое для тех лет увлечение радиоэлектроникой сильно пригостило). Работа работой, но занятия спортом Алым не прекращал.

Много дало Алыму знакомство с Сардалом Тагировым – энтузиастом и любителем спорта. «Оказывается, нагрузки могли быть намного серьезнее, – говорит Алым. – И это при том, что я и так себя не жалел на тренировках». Вместе с Сардалом Алым, вставая задолго до рассвета, бегал кроссы, занимался на турнике, поднимал тяжести, ходил на борьбу в школьную секцию. Как юноша выдерживал такие нагрузки уму непостижимо.

Алым с большой теплотой отзывается о тренере по борьбе, у которого тренировался. Баштаров Паша был из тех энтузиастов спорта, которые прививали мальчишкам любовь к здоровому образу жизни, растили из них патриотов своей страны, отдавали молодежи все свое умение, энергию и душу. И их воспитанники становились славными сыновьями своего народа, которые, где бы они ни находились, достойно представляли свою республику. Во многом, благодаря именно этому поколению шестидесятых, создавался образ благородного чеченца, увы, в последние годы сильно подмытый. Несколько раз Алым ездил с Сардалом, серьезно занимавшимся борьбой, на тренировки в Грозный. Дэги Багаев в борцовских кругах уже был известен как хороший специалист. И возможно Алым увлекся бы борьбой, не подожди время идти в армию.

О тяжелой атлетике тогда речи не было вообще. Лишь один раз он соприкоснулся с этим видом спорта, когда в Сержень-Юрте проходило молодежное первенство Юга России. Тогда в перерыве соревнований, подбадриваемый друзьями, Алым подошел к штанге весом 90 килограмм. «Не старайся – не поднимешь» – услышал он голос сзади. Честолюбие Алыма удвоило его силы, и он толкнул вес. А фраза та принадлежала Николаю Осташко – известному грозненскому тренеру по тяжелой атлетике. Специалисты тоже, как выяснилось, ошибаются. За день до ухода в армию друзья взяли с Алыма слово, что тот не вернется домой без значка

«Мастер спорта СССР». Вид спорта значения не имел, важно было само звание, которое в те годы значимым было не только для чеченского спортсмена, но и для спортсменов всего Советского Союза. Этот момент Алым считает судьбоносным. Не сдержать своего слова он не мог, а его выполнение потребовало радикальных поворотов в жизни.

Два года службы в Благовещенске пролетели незаметно, а заниматься всерьез спортом под руководством опытного наставника не получилось по причине отсутствия последнего. Алым, конечно, занимался спортом самостоятельно, но это были кроссы, занятия на перекладине, гири – в общем, все то, что было и дома. Даже два выигранных армейских соревнования по гиревому спорту и по борьбе особого оптимизма не вселяли – обещание, данное друзьям, он ведь не сдержал. И поэтому, после окончания службы в армии Алым отправился не домой, а по объявлению о приеме на работу на кораблестроительный завод в Хабаровск. У завода имелся очень хороший спортивный зал, но вот беда – опять не было опытного наставника ни по одному виду спорта. Алым, конечно, каждый день после работы заходил в спортзал, но это были общеразвивающие тренировки.

Наконец, в один прекрасный день в зал зашел мужчина с длинной палкой в руках и стал проверять желающих заниматься тяжелой атлетикой на гибкость и специальную растяжку (низкий сед). Мужчину звали Александр Дмитриевич Алексеенко и оказался он тренером по тяжелой атлетике. Узнав о решимости Ачичаева выполнить норматив мастера спорта, Алексеенко пообещал привести его к этому высокому званию через два года. Это был шанс. Чтобы полноценно заняться тренировками пришлось перейти на другой завод – «Амуркабель», которому принадлежал зал тяжелой атлетики. Ситуация уникальная, когда человек начинает заниматься видом спортом в двадцать один год, серьезно нацеливаясь на высокий результат. И довольно бесперспективная. Но в случае с Алымом Ачичаевым это правило не сработало. Здесь присутствовали крепость духа и тела, достигнутые многолетними тренировками, помноженные на страстное желание достичь своей

цели. А в такой ситуации любая догма уступает место частному случаю.

Весил Алым к моменту занятий тяжелой атлетикой 77 кг, и в первый тренировочный день два раза поднял штангу весом 90 кг. Это и есть отправная точка успехов чеченского штангиста. Чтобы посвящать все время тренировкам, Алым оформился дежурным сварщиком. В случае какой-либо аварии все знали, что рабочего Ачичаева можно найти в тяжелоатлетическом зале. Все свое свободное время он неистово тренировался, зачастую даже ночуя в зале. Можно сказать, что спортзал для него стал родным домом. Алексеенко был поражен: много он повидал атлетов, но такой целеустремленности прежде наблюдать не доводилось. Приходилось даже сдерживать своего подопечного.

✘ Результаты не заставили себя долго ждать: через год и два месяца после начала тренировок, Алым стал чемпионом Хабаровского края в категории до 90 кг., выполнив попутно норматив кандидата в мастера спорта СССР (жим – 125 кг., рывок – 120 кг., толчок – 157 кг.). Для столь короткого стажа тренировок это было серьезное достижение. Осенью 1972 года на тренировках Алым уже спокойно выполнял мастерский норматив, оставалось только подтвердить его на соревнованиях. И таковыми стали лично-командное первенство ДСО «Труд» в городе Свердловске в декабре 1972 года. Но, к несчастью, перед самыми соревнованиями Алым получил пищевое отравление. И в очень неважном физическом состоянии он сумел поднять необходимые для нормы мастера спорта веса в жиме – 130 кг, рывке – 125 кг., а вот перед толчком силы вконец оставили его. Алексеенко, проявив чудеса красноречия, сумел уговорить судей допустить своего подопечного к выступлению вне конкурса на следующий день для выполнения нормы мастера спорта. Для получения звания «Мастер спорта СССР» Алыму надо было толкнуть 165 килограмм. На разминке он с огромным трудом осилил 150 кг. «165 не толкнет» – услышал Алым за спиной знакомый голос. Оглянувшись, он узнал Осташко. «Я не совсем уверен, что поднял бы нужный вес, если бы не Николай Андреевич, который сильно «завел»

меня» – смеется Алым. Честолюбие Алыма всегда прибавляло ему сил.

Итак, Алым Ачичаев, спустя два года после начала занятий тяжелой атлетикой, стал мастером спорта СССР. Алексеенко сдержал свое слово перед Алымом, а тот – данное друзьям. Теперь можно было смело, «со щитом», возвращаться домой. Шел 1973 год. Проведя дома неделю, Алым понял, что его планы обустройства жизни не совпадают с реалиями того времени. В Чечено-Ингушетии была в то время одна из самых высоких безработиц в Советском Союзе. Найти работу было очень трудно, и многие чеченцы разъезжалось по бескрайним просторам страны на сезонные работы, называемые в народе «шабашками». Да и в спортивном плане перспектив было не много. Алым несколько раз сходил было на тренировки в тяжелоатлетический зал Дворца спорта завода «Красный молот», но быстро понял, что повысить свое мастерство ему там не удастся. Ведь оно растет со здоровой конкуренцией, подсказок опытного тренера, выездов на соревнования, а этого Алым не ощущал. Николай Осташко, руководивший тогда секцией, тоже особо не вдохновился приходом к нему перспективного спортсмена. Спорт в республике был тогда в загоне, и тренеры для своих подопечных мало что могли сделать. Да и друзья его потихоньку остыли к спорту – бытовые проблемы перевесили увлечение молодости. Отсутствие единомышленников оборвало последнюю нить, удерживающую Алыма дома.

Пообщавшись с младшими братьями, сестрами и родственниками, Алым вскоре выехал в Хабаровск, предварительно отправив телеграмму Алексеенко. В поезде Алым умудрялся проводить тренировки – путь был неблизкий, и потерять форму можно было легко. Приседания и отжимания поддерживали Алыма в тонусе. Порой доходило до смешного, когда Ачичаев поднимал, входившего в его положение человека, как тяжелоатлетический снаряд.

Сразу по прибытию в Хабаровск на перроне Алексеенко предложил Алыму:

– Пойдем ко мне домой, поешь, отдохнешь.

– Сначала на тренировку, – ответил Ачичаев.

– Далек ты пойдешь при таком отношении к делу, – с уважением произнес тренер.

И началась работа. Задачи теперь стояли посерьезнее, чем выполнение мастерского норматива. Подход к делу у тренера с подопечным был очень скрупулезным. Серьезное внимание уделялось буквально всему: питанию, сну, тренировочному процессу. Бытовые проблемы Алыма, к счастью для него, были решены и не отвлекали его от интенсивных тренировок. Помимо комнаты в общежитии, Ачичаеву выплачивали зарплату слесаря 4-го разряда, коим он числился на заводе «Амуркабель» и талоны на питание. Для тех лет это была хорошая поддержка.

В 1973 году в г. Шахты Ростовской области проходил чемпионат России. Алым, выступавший в категории до 90 кг., решил начать выступление в рывке с небольшого для себя веса – 145 кг, но неожиданно получил «баранку». Причем, в одной из попыток был зафиксирован редкий для тяжелой атлетики случай, когда атлет со штангой на вытянутых руках касается помоста третьей точкой. Алым не был согласен с решением судей – сам-то он не ощутил касания, но, тем не менее, из борьбы он выбыл. Будучи вне себя от злости – подготовился ведь к чемпионату неплохо – Алым вышел из Дворца спорта на улицу. Неожиданно кто-то похлопал его по плечу. Обернувшись, Ачичаев увидел незнакомого мужчину. «Хочешь у меня заниматься – приезжай», – коротко сказал он. Отойдя на несколько шагов Алым поинтересовался у знакомого тренера, кто тот мужчина. «Это же Плюк», – был ответ. Так штангисты звали между собой знаменитого тренера Рудольфа Плюкфельдера.

Как много в нашей жизни значит случай. Именно он свел пути человека, родившегося в деревне Ново-Орловка Донецкой области и парня из села Герменчук Чечено-Ингушетии в городе Шахты Ростовской области. А в чем роль случая, приведшего к

знакомству тренера с мировым именем и малоизвестного штангиста, Алым узнал только три года спустя.

Рудольф
Плюкфельдер, 1979
г.

О Рудольфе Плюкфельдере можно говорить много: заслуженный мастер спорта СССР, заслуженный тренер СССР. Чемпион Олимпийских игр 1964 года в Токио в среднем весе. Выиграл Олимпиаду в возрасте 36 лет, установив при этом новые Олимпийские рекорды в рывке, толчке и троеборье. Таких Олимпийских достижений в этом возрасте, в тяжелой атлетике нет до сих пор. Причем, в Токио чемпионом Олимпиады стал к тому же и ученик Плюкфельдера Алексей Вахонин – еще один небывалый случай в тяжелой атлетике. Плюкфельдер становился чемпионом мира в 1959, 1961, 1964 гг., Европы – в 1959, 1960, 1961 гг., СССР – 1958-1963 гг. Установил 12 рекордов мира и 22 рекорда СССР. После завершения спортивной карьеры он организовал знаменитую шахтинскую тяжелоатлетическую школу, благодаря которой город Шахты был занесен в Книгу рекордов Гиннеса, как населенный пункт с самым большим в мире количеством олимпийских и мировых чемпионов на общее число жителей. Забегая вперед, скажу, что уже после встречи с Ачичаевым Плюкфельдер воспитал в своей школе (помимо Вахонина) двух Олимпийских чемпионов: Николая Колесникова и Давида Ригерта (оба стали чемпионами на Олимпийских играх 1976 года в Монреале). Тренировался два года у Плюкфельдера и Василий Алексеев, ставший впоследствии одним из лучших тяжелоатлетов современности. А всего в Шахтинской школе, организованной этим выдающимся тренером, выросли 6 Олимпийских чемпионов, 7 чемпионов мира. И в такую школу, к такому выдающемуся специалисту по тяжелой атлетике попал Алым Ачичаев.

Спустя много лет, на встрече со школьниками, он назвал эту

встречу своей первой настоящей удачей в спорте. Конечно, было жаль расставаться с Александром Алексеенко, но он передал Алыму все свои познания и дальше вести своего подопечного не мог. Понятно было, что в дальнейшем Ачичаеву для роста результатов нужен был специалист такого высокого класса, как Рудольф Плюкфельдер.

«Если в течение года не получишь травму, сделаю из тебя атлета союзного масштаба», – пообещал при первом же разговоре с Алым Плюкфельдер. Опытный тренер с первой тренировки стал заниматься новобранцем по своей методике. Рудольф Владимирович придерживался формулы: лучше меньше, да больше, запрещая поднимать на тренировках большие веса, и делая акцент на количестве подходов. Он поставил Ачичаеву технику рывка, научив его делать это движение так, чтобы нагрузка распределялась равномерно на спину и ноги, а не только на руки, как было прежде, помог освоить динамичный старт в толчке. Плюкфельдер вообще акцентировал работу на технике, в частности, растяжке (очень специфическом и важном для тяжелоатлета элементе). Шахтинская тяжелоатлетическая школа была своеобразной лабораторией новых методов и приемов работы со штангой. Зал был полон новинок, которых не увидишь и в ином институте физкультуры, одни «железные сапоги» чего стоили. Почти вся методика подготовки атлетов были новаторской.

Надо сказать, что в тяжелоатлетических кругах немногие специалисты и спортсмены придерживались методики Плюкфельдера, но его лучшим аргументом в свою пользу были результаты, показываемые его учениками. В 1974 году на чемпионате СССР Алым Ачичаев, выступая в весовой категории до 90 кг, занял 7-е место с результатом 335 кг (рывок 150 кг. + толчок 185 кг.). Занять столь высокое место среди двадцати двух лучших тяжелоатлетов СССР, представляющих разные республики, соответственно и школы, было весомым достижением. К тому же, перед соревнованиями Плюкфельдер нацелил Алыма на идеальные технические действия, даже в ущерб результату. Так что, это выступление можно занести Ачичаеву в актив. В дальнейшем Алым

выиграл несколько крупных турниров, в числе которых было первенство ВЦСПС и ЦС «Труд». Большим успехом Ачичаева была победа 28 апреля 1975 года в городе Балашихе в финальных соревнованиях VI летней Спартакиады народов России, где он выиграл с результатом 365 кг (160 + 205). Успех этот был, к сожалению, омрачен одним досадным эпизодом.

Незадолго до этих соревнований в Одессе повздорили два члена сборной СССР Василий Алексеев и Василий Колотов. Сейчас не хочется ворошить прошлое – кто прав, кто виноват, но Федерация тяжелой атлетики СССР тогда заняла сторону Алексеева. Он к тому моменту был чемпионом мюнхенской Олимпиады, многократным чемпионом мира. У первоуральского тяжелоатлета Василия Колотова регалий было поменьше – чемпион Европы и мира 1970 года. Да и разговоры ходили, что Алексееву симпатизирует Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев. Как бы то ни было, Колотова, который верой и правдой долгие годы служил тяжелой атлетике, спортивные чиновники лишили звания заслуженного мастера спорта. Правда, с оговоркой, что если он победит на грядущей Спартакиаде народов России, звание ему, возможно, вернут. Тренер Колотова обратился ко всем своим коллегам, чтобы те «попридержали своих хлопцев». Обратился ко всем, кроме Плюкфельдера. Видимо, посчитав, что его ученик не способен занять первое место. Спортсмены вошли в положение Колотова и не выкладывались на «полную катушку», а Алым, которому тренер не сказал о подоплеке соревнований ни единого слова, взял, да и поднял максимальные веса. Только после своей победы, увидев подавленного Колотова и постные лица соперников, Алым понял, что что-то не так. Даже спустя двадцать с лишним лет он вспоминает этот эпизод с досадой. И в ранней смерти Колотова (Василий Федорович умер в 2001 году в возрасте 56 лет) Алым где-то корит себя. Казалось бы, какое дело ему до этого. Спорт – это жесткая борьба, порой даже жестокая. Спортсмены, как правило, выходят на арену, чтобы победить любой ценой и сентиментам там не место. Но победы любой ценой (и не только в спорте) не для Алыма Ачичаева. Этот случай ярко характеризует его, как человека душевного,

способного соперничать даже соперникам.

Как известно, стать чемпионом легче, чем отстаивать этот титул. Все соперники уже очень серьезно относились к Ачичаеву. И тем значимее выглядит его победа на Кубке СССР 15 декабря 1975 года в Челябинске. Алым победил в категории 100 кг., впервые, кстати, введенной в тяжелоатлетические соревнования, набрав в сумме двоеборья 370 кг. Таким образом, чеченский тяжелоатлет вошел в историю тяжелой атлетики Советского Союза, как первый обладатель Кубка СССР в категории 100 кг. Там же в рамках чемпионата СССР в отдельных упражнениях, Ачичаев становится чемпионом страны в толчке (207,5 кг). Выдающееся достижение чеченского спортсмена. Пишу эти слова, ставшие в последнее время штампом, и думаю, каким же нужно обладать характером, упорством и волей к победе, чтобы всего за четыре года занятий тяжелой атлетикой добиться столь высоких результатов.

Но звездный час Алыма Ачичаева наступил на чемпионате СССР в Караганде 15 мая 1976 года. Чеченский штангист уверенно победил в рывке (172,5 кг) и в сумме двоеборья (380 кг), став первым среди чеченцев чемпионом страны по тяжелой атлетике. Он опередил второго призера на 5 килограммов. Победа была тем ценнее, что была добыта в остром соперничестве со спортсменами экстра-класса. Красноречивым подтверждением этого является то, что занявший второе место Владимир Кононов из Новокуйбышевска с 76-го по 78-й гг. установит пять мировых рекордов, а бронзовый медалист Николай Колесник из города Хмельницкий станет впоследствии 2-кратным рекордсменом мира. Алым до сих пор в деталях помнит свое победное выступление более, чем 30-летней давности. Когда в последней попытке в толчке Алыму для победы надо было повторить свой личный рекорд, мало кто верил в его победу – уж больно тяжело он справился с двумя центнерами. Нашлись даже те, кто стал поздравлять Кононова. Не знали, видимо, они, что честолюбие удваивает силы Алыма.

Победный вес – 207,5 кг над головой и Алым Ачичаев становится первым чеченским чемпионом СССР по тяжелой атлетике. Через секунду зрители увидят зажигательную лезгинку.

«Настраивался на последнюю попытку очень серьезно, но все же, не ожидал, что штанга «пойдет» так легко», – вспоминает Ачичаев тот звездный момент. Алым стоял, держа на вытянутых руках снаряд весом в 207,5 килограммов и никак не мог поверить в то, что он – чемпион 250-ти миллионной страны по тяжелой атлетике. Причем, впервые в истории чеченского народа! К тому же, он выполнил норматив мастера спорта СССР международного класса! Лучших подарков к своему 27-летию, которое наступало через день, нельзя было и придумать. Он настолько долго держал штангу над головой, что судья, подумав, что у него ступор (бывает и такое), подбежал к нему и стал махать перед лицом флажком. А Алым стоял и широко улыбался.

«Вся жизнь пронеслась у меня перед глазами. Вспомнил близких; отца, который был бы несомненно рад моему успеху... Подумал, что не зря работал, как каторжный несколько лет на тренировках. И еще подумал: вот я – чеченец, а вокруг никто об этом не знает...», – делится воспоминаниями Алым. Да, зрители не знали, что Алым Ачичаев – чеченец, потому что, ни имя, ни фамилия, ни внешность его не вписывались в стереотип чеченца. Но зато характер Алыма был самый, что ни на есть чеченский: после того, как он аккуратно положил штангу на помост (прилив сил позволял это сделать), Алым зашелся в зажигательной лезгинке. Зал долгими и бурными аплодисментами встретил импровизированный танец победителя. И тут неожиданно выяснилось, что в зале много чеченцев. Счастливые эмоции тех минут до сих пор наполняют душу Алыма радостью.

Сразу после победы к Ачичаеву подошел счастливый Плюкфельдер вместе с тренером ЦСКА Стоговым. «Я, благодаря тебе, выиграл у него спор», – смеясь, сказал Алыму Плюкфельдер. И тут открылась причина, по которой пересеклись пути знаменитого тренера и малоизвестного тяжелоатлета. Оказывается, три года назад на чемпионате России в Шахтах между Стоговым и Плюкфельдером разгорелся спор. Стогов обвинял своего именитого оппонента в том, что он забирает к себе только самых талантливых и перспективных спортсменов, а таких довести до лидирующих позиций несложно. Другое дело из «деревяного» сделать чемпиона. Плюкфельдер на это возразил, пообещав сделать чемпиона из кого угодно. Тут волей случая на глаза армейскому тренеру и попался к своему счастью Алым Ачичаев. Лучшей кандидатуры, чем спортсмен, получивший «баранку» в первом упражнении, для пари и быть не могло. То, что пари приведет к выдающемуся для чеченского спорта результату, никто тогда и подумать не мог.

На следующий день после эпохальной победы Ачичаева в газете «Советский спорт» вышла знаменитая статья: «Лезгинка на помосте», в которой много говорилось о блестящем успехе чеченского спортсмена. В Чечено-Ингушетии люди читали ее, ощущая чувство гордости за свой народ. Сейчас очень мало осталось людей, которые помнят эту статью. Да что там статью, самого главного героя статьи...

Любопытный факт, на ближайшем после чемпионата страны турнире, Давид Ригерт, после своей победы, станцевал, так же как и Алым, зажигательную лезгинку. Танцует Ригерт, как многие убедились, очень хорошо. Как говорится, талантливый человек талантлив во всем.

Своей победой Алым доказал, что является лидером весовой категории 100 кг. Надо сказать, что победители чемпионата СССР становились кандидатами в сборную страны на предстоящие летом 1976 года в Монреале Олимпийские Игры. Но категории 100 кг (второй полутяжелый вес), к огромному сожалению Алыма, не было в программе монреальских Олимпийских Игр – ее ввели в

олимпийскую дисциплину только к московской Олимпиаде 1980 года. Чемпионаты же СССР в этой категории проводились с 1975 года. Советская школа тяжелой атлетики в то время высоко котиновалась в мире из-за высоких результатов спортсменов. На Советский Союз равнялись многие страны и даже Международная федерация тяжелой атлетики (ИВФ), которая по рекомендации Спорткомитета СССР с 1977 года ввела категорию 100 кг на мировом первенстве. Похудеть на 10 кг для того, чтобы попытаться счастья в категории 90 кг, Алым не мог (к чему это приводит наглядно показал проигрыш самого Давида Ригерта на той же московской Олимпиаде), а тягаться с теми, кто на десять килограмм тяжелее (в категории 110 кг), крайне нелегко. Так и осталась несбывшейся олимпийская мечта.

Кстати, там же, на чемпионате СССР-1976 в Караганде, в категории 90 кг. бронзовым призером чемпионата страны стал еще один чеченец – 19-летний Адам Сайдулаев, бывший чемпионом мира среди юниоров. А победителем стал Давид Ригерт, набравший гроссмейстерскую сумму 400 кг всего лишь после двух подходов.

После победы в чемпионате СССР Алым посчитал для себя возможным попросить у руководства Ростовской области квартиру. Дело в том, что он жил в ведомственной квартире, которую не мог обменять. А обмен в скором времени мог быть актуален: в последнее время Ачичаева часто посещали мысли о возвращении домой в Чечено-Ингушетию. Как-то раз, сидя на какой-то конференции рядом с четырехкратной Олимпийской чемпионкой по спортивной гимнастике Людмилой Турищевой, Алым подумал о превратностях жизни: Турищева из Грозного переехала в Ростов, а он, наоборот, из Ростова хочет переселиться в Грозный.

Можно понять Алыма, который, пока он на вершине успеха, решил попросить у руководства Ростовской области себе квартиру. Плюкфельдера это почему-то сильно задело. «Выиграл Союз – и уже квартиру хочешь? Что же будет, когда ты мир возьмешь?» – возмущался Рудольф Владимирович. То, что Ачичаев выигрывает первенство мира, знаменитый тренер не сомневался. Аргументы Алыма, что он самый возрастной кандидат в сборную СССР, что

его в любой момент может подкараулить травма и, в конце концов, снижение результатов – от спадов никто не застрахован, Плюкфельдера мало трогали. Надо сказать, что Плюкфельдер не был сторонником достойной оплаты труда спортсменов. Он говорил, что нет смысла платить людям, которые ничего не делают. Это при том, что спортсмены тогда получали практически гроши, хотя работали они на износ. Алым рассказывал, что у Плюкфельдера шесть дней в неделю было по три изнурительные тренировки, и лишь в воскресенье – одна. За десять дней до соревнований интенсивность нагрузок спадала. Можно ли такой график назвать «ничего неделаньем»? Даже Давид Ригерт и Василий Алексеев жили долгое время “на кефире и хлебе”, питаясь в столовой горного техникума на улице Садовая. Возраст Ачичаева по спортивным меркам был уже немаленьким, и в этом случае долго дожидаться отдачи за свой труд было неразумно. Любая травма могла поставить крест на дальнейшей спортивной карьере тяжелоатлета. К тому же, с годами приходится дольше восстанавливаться и набирать форму, и нет при этом никакой гарантии, что выйдешь на прежний уровень. В современном спорте бешеная конкуренция, вакантное место чемпиона занимает быстро и усилий, чтобы вернуть себе прежние позиции, надо затратить очень много, но вся проблема в том, что возрастной организм может не вынести сверхнагрузок.

Как бы то ни было, отношения ученика и тренера стали натянутыми. И это усилило желание чеченского атлета вернуться на малую родину. 13 декабря 1976 года в Первоуральске состоялся Кубок СССР и чемпионат СССР в отдельных упражнениях, на котором Алым выиграл соревнования в рывке – 172,5 кг. Этот Кубок СССР интересен еще тем, что набирающий обороты Адам Сайдулаев стал его обладателем в весовой категории 90 кг. В конце 1976 года Алым вернулся в Чечено-Ингушетию. Но перед отъездом, выступая в последний раз за Ростовскую область, он выиграл в счастливом для себя городе Караганде отборочный турнир к чемпионату мира, опередив серебряного призера Владимира Козлова на 15 кг.

По рекомендации Махмуда Эсамбаева (в те годы президента Федерации тяжелой атлетики Чечено-Ингушской АССР) Алым пришел на прием к секретарю обкома КПСС по идеологии Хажбикару Хакяшевичу Бокову. Алым до сих пор вспоминает ту встречу с содроганием. «Мне нужна была только республиканская прописка, чтобы выступать за сборную СССР от Чечено-Ингушетии, а Боков обвинил меня с порога в меркантилизме: сегодня я прошу прописку, а завтра попрошу квартиру и автомашину». И это говорил главный «идеолог» республики, которому должны были быть небезразличны успехи чечено-ингушских спортсменов, работников культуры, науки... Именно из-за таких циничных людей, которых сложно заподозрить в патриотизме, чечено-ингушский народ не досчитался многих достижений в разных областях жизнедеятельности.

Что Ачичаеву оставалось делать? Правильно, уехать туда, куда его давно приглашали. Поразительная ситуация: республиканские власти сами должны были приглашать выдающихся чеченцев и ингушей, раскиданных судьбой по всей огромной стране, обратно домой, обеспечивать их жильем, транспортом и другими атрибутами, сопутствующими благополучному быту, чтобы эти люди, не отвлекаясь на жизненные мелочи, могли приносить пользу своему народу и своей республике. А вместо этого унижение только за одну просьбу того, на что он имел по праву рождения.

А вот украинский город Днепродзержинск, давно приглашавший Алыма, с распростертыми объятиями встретил его, выделив большую комфортабельную квартиру в центре города на берегу Днепра. Обосновавшись на новом месте, Алым связался с Александром Алексеенко и убедил его переехать из Хабаровска в Днепродзержинск. Тренер послушал своего бывшего ученика и не пожалел об этом: помимо того, что Алексеенко получил на новом для себя месте и жилье, и работу, он нашел в Украине свою вторую половину. Мог ли предполагать Александр Дмитриевич, выросший в детдоме, и хлебнувший сполна тяготы жизни, что встреча с простым чеченским парнем может сильно повлиять на его судьбу. Алыма же этот эпизод характеризует с самой лучшей

стороны: долг, каким бы он не был, умеют отдавать только сильные и достойные люди.

Надо сказать, что интерес руководителей Днепродзержинска к Ачичаеву имел объяснение. Именно в этом городе родился и часто навещался туда к своим старым друзьям Генеральный Секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. И встречать такого почетного земляка поручалось, как правило, фактурным людям, коим являлся и Алым Ачичаев. До него в Днепродзержинске функции «дежурного богатыря» до своего переезда в Днепропетровск выполнял узбекский штангист Султан Рахманов, ставший впоследствии чемпионом московской Олимпиады, трехкратным чемпионом мира.

Однако, самовольные перемещения Алыма по стране не понравились чиновникам из Федерации тяжелой атлетики СССР. Тоталитарный строй пресекал на корню любое инакомыслие и вольность. А действия Ачичаева объяснили именно этим. Не хочется думать, что это случилось по наущению Плюкфельдера. Но как бы то не было, Алыма дисквалифицировали на год и, соответственно, не взяли в составе сборной СССР на чемпионат мира.

25 сентября 1977 года тяжелоатлетам, занимавшимся в одном зале с Алым Ачичаевым, запомнится надолго. В этот день начались соревнования на чемпионате мира в Штутгарте в категории 100 килограмм. Кто-то догадался принести в зал телевизор и выступления Владимира Козлова, которого взяли в сборную вместо Ачичаева, смотрели под громкий хохот. Все дело в том, что Алым поднимал штангу одновременно с Козловым, причем вес чеченский штангист себе заказывал на 7,5 кг больше, нежели участник чемпионата мира и поднимал этот вес подряд три раза. И так во всех попытках и в обоих упражнениях! Козлов стал первым чемпионом мира в новой категории, показав в сумме двоеборья результат 367,5 кг (162,5 + 205), а результат Ачичаева был 382,5 кг (170 + 212,5). Ничего не скажешь, шоу удалось. Спортсмены и тренеры расходились довольные, только у Алыма на душе было тошно: так долго идти к заветной цели, столько пролить пота на тренировках, лишать себя многих удовольствий, придерживаться жесткого режима на протяжении долгих лет,

медленно идти в гору, а у самого пика тебя останавливают, толком не объяснив причину.

Многие в этой ситуации сломались бы, но не из тех был Алым. 18 декабря 1977 года на Кубке СССР и чемпионате страны в отдельных упражнениях он занял первое место в рывке с результатом 172,5 кг. Последующие выступления на различных турнирах были для Алыма во многом удачными, хотя конкуренция росла, и соревноваться с молодыми ему было крайне тяжело. На чемпионате СССР 1978 года в Киеве Алым стал вторым после Сергея Аракелова из Краснодара, хотя в рывке поднял одинаковые с ним килограммы. Ачичаев еще надеялся выступить на Олимпиаде 1980 года в Москве и потому не форсировал события. Главным турниром для определения состава сборной страны была Спартакиада народов СССР 1979 года. Чтобы попасть на нее, надо было выиграть Спартакиаду народов Украины, что не представлялось Алыму сложным. Форму чеченский тяжелоатлет постепенно набрал оптимальную.

Но незадолго до финальных соревнований из высших эшелонов власти Украины пришло пожелание, чтобы тяжелоатлет из родного города Генерального Секретаря ЦК КПСС Брежнева выиграл Спартакиаду с рекордом мира. Решили украинские партийные бонзы выделить за счет сильного атлета. И наплевать им было в этой ситуации на план подготовки спортсмена, который в силу преклонного для спорта возраста подходил к главному в своей жизни старту очень плавно. Рекорд мира все не ставят. Ему должен соответствовать момент, возраст, форма спортсмена, эмоциональный всплеск и десятки других факторов. Но отказаться от «пожелания» высоких чиновников означало сразу поставить крест на своей спортивной карьере. Усугубляло ситуацию то, что по решению тренерского совета Ачичаев выступал в категории 110 кг., хотя сам весил ровно 100 кг. Зачем это было сделано не смог позже объяснить ни один человек.

На Спартакиаде народов

Украины 1979 года Алым дважды вырывал мировой рекорд – 187,5 кг, но зафиксировать не смог.

Подняв в рывке, во избежание «баранки», 170 кг, Алым пошел на рекорд мира – 187,5 кг. В двух попытках он вырывал этот вес и даже почти вставал с ним, но зафиксировать так и не смог – не хватило самой малости, и судьи оба раза зажгли красный свет. Неимоверное напряжение в первом упражнении отняло у Алыма так много сил, что он не смог выступить в толчке в полную силу. Второе место для него было равносильно поражению. Это был крах всех надежд. Самое обидное, что руководители украинского спорта тех лет хорошо понимали драму Ачичаева, но вместо поддержки вконец добились его, сняв со всех материальных довольствий.

В конце 1979 года, Алым Ачичаев тихо и незаметно ушел из большого спорта. Ушел, находясь на пике спортивной формы, которую он набирал к Олимпийским Играм. Ушел, подняв на своих последних соревнованиях в Киеве 405 кг (177,5 + 227,5). Спорт высших достижений – это тяжелая и напряженная работа и проделывать ее, не имея большой цели, не имело смысла. Может кому-то интересно узнать результат победителя московской Олимпиады? Так вот, чех Ото Заремба выиграл Олимпийские Игры с результатом 395 кг, а ставший серебряным призером советский тяжелоатлет Игорь Никитин набрал в сумме 392,5 кг. Комментарии, как говорится, излишне.

Но жизнь продолжалась... Перестав заниматься спортом, из спорта Алым не ушел – он занялся тренерской деятельностью. Многолетний опыт, накопленный в работе с Рудольфом Плюкфельдером, не мог не выплеснуться на новой для Алыма тренерской стезе. Среди учеников были и два его младших брата – Магомед и Ахмад, переехавших к нему в Украину. Оба они стали высококлассными тяжелоатлетами. Младший из трех братьев – Ахмад, – за редким исключением выступавший в той же категории

100 кг, что и Алым, добился выдающихся успехов на помосте. В марте 1981-го на Кубке Дружбы во Львове он установил четыре мировых рекорда среди юниоров: толчок 218, 220 кг и сумма двоеборья 390, 392,5 кг.! Через месяц, в апреле 1981-го Ахмад с результатом 395 кг выиграл первенство СССР среди юниоров в Ульяновске, завоевав при этом путевку на чемпионат мира и Европы среди юниоров в итальянском городе Линьяно. На том чемпионате он стал вторым. Позже государственный тренер по тяжелой атлетике Ю.А. Сандалов в одном из ежегодников по тяжелой атлетике напишет: «... из-за технической ошибки тренерского состава Ахмад Ачичаев занял 2-е место». И это при том, что за десять дней до соревнований он сильно потянул мышцу спины. В 1982-м в Минске на III Всесоюзных Играх Ахмад занял первое место, подняв в сумме двоеборья 400 кг (175 + 225) и выполнил при этом норматив мастера спорта СССР международного класса. В 1985 году в Волгограде он, как и девятью годами ранее Алым, стал чемпионом СССР с результатом 390 кг (175 + 215). В ноябре 1986-го на чемпионате Советской Армии и ВМФ во Львове Ахмад Ачичаев, подняв в сумме 432,5 кг (192,5 + 240), победил в категории 110 кг, хотя собственный вес был 102,5 кг. Этот феноменальный по всем критериям результат ничего кроме восхищения вызывать не может. Норматив мастера спорта СССР младший из братьев Ачичаевых выполнил менее, чем за два года, а «международником» стал менее, чем за пять лет занятий тяжелой атлетикой. И все под руководством старшего брата. Как видим, тренерский талант Алыма не уступал спортивному. Хотя по необъяснимым причинам никаких тренерских званий и регалий он не получил.

слева направо: Братья Ахмад,
Алым и Магомед Ачичаевы

Говоря о среднем брате, Алым грустно вздыхает: «Большой потенциал, заложенный в нем, остался нереализованным». Спортивная судьба Магомеда, как и Алыма, решила проверить его

на прочность духа. Он был мастером спорта СССР и ждал ближайших соревнований с соответствующим статусом, чтобы выполнить норматив международного мастера, так как на тренировках довольно свободно поднимал 165 кг в рывке и 205 кг в толчке. Но нелепая бытовая травма ноги поставила крест на его дальнейшей спортивной карьере. Очень обидно остановиться в 7,5 кг от звания международного мастера. А могло так случиться, что братья Ачичаевы попали бы в Книгу рекордов Гиннеса, как три брата – «международника», поднимающих в совокупности в сумме двух упражнений более 12 центнеров! Но судьба всегда распоряжается по-своему.

Алым продолжал заниматься тренерской деятельностью и после переезда в 1986 году в Чечено-Ингушетию. Являясь тренером ДЮСШ, он вырастил многих перворазрядников и кандидатов в мастера спорта. Умар Эдельханов, сам в прошлом выдающийся тяжелоатлет, вспоминал, как Алым готовил его для выступления за сборную СССР: «Не существовало такого нюанса, который бы он не учитывал. Сразу было видно, что к работе он подходит со знанием дела, а главное, с душой». Главный тренер сборной Чеченской Республики Касум Магомадов характеризует Алыма Ачичаева, как высокотехничного спортсмена и тонкого специалиста.

Алым был для своих подопечных примером не только в спорте, но и в быту. То, что он не имел и не имеет вредных привычек, являлось хорошим примером для его подопечных. Хотя один раз все же испробовал дары Бахуса. Было это в 1975 году на Спартакиаде народов СССР в Вильнюсе за день до начала соревнований в категории 100 кг. Ачичаев, уверенно выигравший до этого Спартакиаду народов России, находился в отличной форме. Казалось, не было причины, по которой он может проиграть. Но она нашлась. Вечером литовский спортсмен Мачернис уговорил его выпить стакан вина, мотивируя это тем, что мышцы должны расслабиться и отдохнуть перед ответственным стартом. Но эффект получился ровно обратным: Алыма всю ночь тошнило, рвало. Естественно, ни о каком удачном выступлении не

могло быть и речи. Так фаворит соревнований остался за бортом важного турнира, проходившего раз в четыре года. И с тех пор спиртное для Алыма табу. А предложение Мачерниса он долгие годы не рассматривал как кознь; ему, в силу чистой и наивной души, и в голову не могло придти, что литовский штангист, выступавший с ним в одной категории, устраняет, таким образом, своего главного конкурента.

Тренерскую деятельность Алым оставил в годы зарождающихся жестких рыночных отношений. Когда распродавали все, включая и талоны на питание спортсменов, он не посчитал для себя возможным находиться в той среде. Тогда остались у обочины жизни те, кто не привык шустрить, ловчить, хитрить, пресмыкаться. Алыму в эти годы приходилось тяжело, но при этом он даже не рассматривал вариант о переезде куда бы то ни было, хотя серьезные предложения были: в других республиках в отличие от своей, имя чемпиона еще помнят.

Серьезную сумятицу в жизнь внесли и две разрушительные военные кампании, во время которых Алым находился в своем селе. Всякое довелось ему пережить за эти несколько лет. Один раз только случай спас его. И случай этот напрямую был связан со спортом. Как-то, во время так называемых зачисток, в дом к Ачичаеву ввалились «федералы». И как же оживились они, увидев висящий на стене кинжал, доставшийся Алыму от деда. «Собирайся» – только и сказал старший группы. Но, затем, подойдя к стене, чтобы снять холодное оружие, удивленно присвистнул: вокруг кинжала висело множество медалей, которые с порога в полутьме были незаметны. «Твои что ли?» – недоверчиво спросил офицер. Но, увидев, висевшую на стене фотографию хозяина дома с Давидом Ригертом, все понял и махнул рукой своим: «Уходим».

Олимпийского чемпиона, шестикратного чемпиона мира по тяжелой атлетике Давида Адамовича Ригерта, установившего 63 мировых рекорда, знали и чтили в Вооруженных Силах России. С Ригертом – «львом, с мышцами Геракла», как его называли, Ачичаева связывали действительно дружеские отношения. «У меня с Давидом было много общего, даже отчества», – смеется Алым. И родились

они оба в депортации в Казахстане – поволжские немцы, как и чеченцы, в полной мере ощутили на себе власть тоталитарной сталинской машины.

Рудольф Плюкфельдер в 90-х годах с семьей переехал жить в Германию. Год назад, благодаря своему старому товарищу по тяжелоатлетическому цеху Валерию Терешко, Алыму удалось поговорить с ним по телефону. Обиды и недоразумения остались в прошлом, а воспоминания были только самые светлые.

К сожалению, многие люди, которые в былые времена прославляли свою республику и свой народ, расплачиваясь за это здоровьем и годами жизни, сегодня остались ни с чем. Награды в жизни, как правило, отстают на одну ступеньку от заслуг, но не должно быть так, чтобы наши выдающиеся спортсмены жили за чертой бедности – ведь многие из этих людей за свой каторжный труд помимо спортивных грамот и жетонов не получили ничего. Дело государства позаботиться о них. Многие из бывших спортсменов могли бы еще принести практическую пользу чеченскому спорту. Я спросил Алыма, что им двигало, когда он на протяжении нескольких лет подвергал себя изнурительным нагрузкам не получая взамен видимых благ. «Осознание того, что моя жизненная дорога счастливым образом пересеклась с таким выдающимся тренером, как Рудольф Плюкфельдер, и что я могу получить бесценные знания», – был ответ.

Жаль, что свой опыт он не может передать начинающим спортсменам. Алым – человек с юмором. Как-то на одном турнире в Польше ему даже вручили приз, как самому веселому штангисту (оказывается, бывают и такие номинации в спорте). Хотя веселиться в последнее время особо нечему: быт не налажен, работы пристойной нет, впрочем, как и здоровья. Все меньше и меньше поводов улыбаться.

Но иногда, когда речь заходит о былых временах и славных победах, в глазах Алыма загорается блеск. Тот блеск, который был во время исполнения им лезгинки.

Лезгинки победителя ...

Муслим Гапуев

руководитель информационно-аналитического центра Совета профсоюзов ЧР, главный редактор газеты «По Делу».

Автор благодарит Мовлади Абдулаева за моральную и информационную поддержку.

Блиzkих людей на деньги не променяю

написано Movladi ABDOLAIEV | 26.01.2010

Говорить о людях (в частности, спортсменах) удачливых, обласканных судьбой не сложно. Перечисляй их регалии, и они сами будут говорить за человека. Другое дело, когда перед тобой величина не менее значимая во всех отношениях, чем какой-нибудь известный чемпион, но из-за различных нюансов не поднявшийся на подобающую его таланту высоту – вот задача не из простых. Тем более, если человек этот в силу своего характера слова в свою пользу не скажет, а наоборот – говорит о тех, кто и так вознесен на трон судьбой. Это вступление, как ни к кому, подходит к Вахиту Магомадову – выдающемуся в прошлом нашему боксеру.

✘ Писать о Вахите, было сложно с самого начала: сам он о себе говорит скупно, да к тому же многое позабылось, старые подшивки газеты «Советский спорт», в силу известных событий, были уничтожены (равно как и библиотеки, в которых они

находились), мой спортивный архив тоже не сохранился. Из соратников Вахита в республике живет и работает лишь Руслан Тарамов, недавно перебравшийся домой из Тольятти, да Юнус Джамалдаев. Пришлось рассчитывать на свою память и на то, что называется «с миру по нитке».

...Начинал Вахит в 1978 году, как и все чеченские мальчишки тех лет, с борьбы. Но как же много побочных факторов оказывают влияние на судьбу человека. То, что Вахит жил на окраине села Шали сыграло большую роль в том, что отечественный бокс приобрел такого неординарного мастера кожаной перчатки. До центра Шали ездить было далековато, и как только в ближайшей от дома школе № 4 в 1979 году открыли секцию бокса, Вахит тут же записался туда. «Мне вначале было все равно, чем заниматься, – говорит Вахит, – избыток энергии надо было выплескивать». А энергии у парня было, хоть отбавляй. И задача первого тренера Вахита – Умара Эдильханова – была направить эту энергию в нужное русло. И с этой задачей он прекрасно справлялся четыре года, иначе не перешел бы Магомадов в 1984 году к Владимиру Алексеевичу Моребису в «Динамо» уже довольно зрелым мастером. Вахит с большой теплотой вспоминает Умара, который смог обуздать его непростой нрав и заставил реализовать весь свой потенциал на том этапе. Судите сами, под руководством Эдильханова Вахит становился чемпионом Чечено-Ингушетии среди юношей подряд (!) с 1980 по 1983 гг., чемпионом Юга России среди юношей, финалистом первенства СССР среди юношей.

Но надо было развиваться дальше, а этого можно было добиться только спаррингами с сильными соперниками и в соревновательном процессе. А в «Динамо» тогда собрался очень сильный состав. Под руководством Моребиса Магомадов добился значительных достижений: чемпион ЦС «Динамо» 1984 г., чемпион РСФСР 1985 г., обладатель Кубка СССР 1986 г., чемпион СССР среди молодежи 1987 г., победитель многих международных турниров. Венцом сотрудничества стало звание чемпиона мира среди МВД в городе Пхеньян (КНДР) в 1987 году.

Неожиданная смерть Владимира Моребиса в 1987 году была тяжелым ударом для его воспитанников. Помимо человеческой утраты, пришлось решать и организационные вопросы: корректировать тренировочный процесс, искать себе новых наставников. Многим нашим талантливым и перспективным боксерам в этом плане, конечно, не повезло. Без должной тренерской опеки потенциал некоторых начинающих боксеров так до конца и не раскрылся. Кто-то даже оставил бокс. Вахиту Магомадову в этом плане сильно повезло. Причем, повезло, можно сказать, дважды. Во-первых, удалось заключить «творческий» союз с Хамзатом Джабраиловым – знаменитым нашим боксером, еще недавно выступавшим на большом ринге, во-вторых, повезло в том, что тренерская работа у Хамзата, что называется, «пошла». Забегая вперед, скажу, что среди воспитанников Джабраилова, кроме Вахита Магомадова, были победители первенств мира среди молодежи Ислам Арсангалиев и Хамзат Устарханов, победители первенств Европы среди молодежи Ахмед Муртазалиев и Альбек Дудаев, чемпион России Юнус Джамалдаев, победители и призеры первенств России, Вооруженных Сил РФ Тамерлан, Ислам и Руслан Халидовы.

Вахит Магомадов с
поясом чемпиона
СССР среди
профессионалов и
Хамзат Джабраилов

Конечно, в боксе для Джабраилова секретов не было, а в отношении Магомадова облегчало работу еще и то, что Хамзат сам выступал в том же весе, что и Вахит и знал все нюансы весовой категории до 71 кг. Весь тренировочный процесс был построен с учетом главного спортивного форума четырехлетия – предстоящих в 1988 году Олимпийских игр в Сеуле. В Олимпийский год Вахит вступил в хорошей форме, выиграл несколько турниров, в общем, был главным кандидатом в состав Олимпийской сборной страны в

первом полусреднем весе. Предстоящий чемпионат СССР в Ташкенте должен был поставить последнюю точку – выиграй его, и можно было с путевкой на Олимпиаду в кармане, спокойно готовится к ней.

Но перед самым чемпионатом случилось непредвиденное – Вахит сильно простыл и не смог в нем принять участие. Чемпионом страны стал Евгений Зайцев из Казахстана, которого Вахит до этого неизменно обыгрывал. В весе до 71 кг., тем не менее, ситуация была непростая: на место в сборной помимо Вахита претендовало несколько сильных спортсменов, таких как И.Акопкохян, А.Ширин, А. Акулов. Привлекался в сборную СССР и нынешний тренер сборной России Александр Лебзяк. Но свои шансы он свел до минимума, проиграв 4 марта в матчевой встрече СССР-США Крису Берду. (Берд впоследствии станет чемпионом мира среди профессионалов, а Лебзяк все же выиграет Олимпийское золото в Сиднее в 2000 году). Для Артема Лаврова – тогдашнего тренера сборной СССР – была большая дилемма, кого брать в сборную.

Вахит Магомадов & Исраэл
Акопкохян

Для выявления сильнейшего в таких случаях существуют отборочные турниры. На них, уже выздоровевший Вахит, показал себя во всем блеске. Чего стоит, хотя бы, его бой в Кисловодске с заслуженным мастером спорта из Еревана Исраэлом Акопкохяном – пятикратным чемпионом СССР, победителем Спартакиады народов СССР, обладателем Кубка мира, чемпионом Европы, победителем игр Доброй Воли.

Так вот, Вахит победил в том бою нокаутом. А чтоб ты, уважаемый читатель, не думал, что карьера Акопкохяна катилась к закату, скажу, что через год он стал чемпионом страны, Европы и мира, через два – во второй раз – выиграл игры Доброй воли. Почему я об этом так подробно пишу? Потому что, ни до,

ни после Акопкохян не был в нокауте. То, что Вахит таким образом победил этого высокотехничного боксера по манере сильно похожего на Роя Джонса, говорит только о том, что наш боксер был в превосходной форме. Но, к сожалению, зачастую в спорте решающим фактором оказываются околоспортивные интриги. «Все время было ощущение, что меня хотят, что называется «прокатить», – вспоминает Вахит. – Например, незадолго до Олимпиады, когда окончательный выбор еще не был сделан, меня зачем-то послали на второразрядный турнир на Кубу, затем были ненужные и ломающие мою подготовку к Олимпиаде, турниры в Германии, Ленинграде».

И.Акопкохян в нокауте

Худшие прогнозы все же сбылись – тренерский совет таки решил Вахита на Олимпиаду не брать. Конечно, во время принятия этого решения присутствовала политика. Много лет спустя, на одном из боксерских турниров в Пятигорске, Вахит встретился с Лавровым и задал ему вопрос, почему его не взяли на Олимпиаду, если на сборах он показывал лучшие результаты. Артем Александрович был откровенен (все же это дела давно минувших дней и скрывать что-либо нет никакого смысла): «Понимаешь, из такой маленькой республики, как ваша, в сборную страны с 250-миллионным населением три человека брать – это перебор. На меня и сверху давили. Если бы ты выиграл чемпионат страны – тогда вопросов точно не было бы никаких».

В Олимпийскую сборную СССР входили два боксера из нашей республики – Рамзан Себиев и Руслан Тарамов. Но в отношении них, практически никогда и никому в стране не проигрывавшим, не могло возникнуть никаких вопросов – в сборной страны они были монументами. Напомню, что это были первые Олимпийские игры, в которых принимали участие чеченские спортсмены.

А на Олимпиаду в первом полусреднем весе (до 71 кг) все же поехал Евгений Зайцев, который в итоге занял пятое место.

Забегая вперед скажу, что его выступление было признано неудачным (впрочем, как и всей сборной СССР, в составе которой лишь Вячеслав Яновский стал олимпийским чемпионом. Добавлю, что в Федерации бокса СССР посчитали, что Артем Лавров не справился со своими обязанностями, и сняли его с должности главного тренера). Это теперь мы знаем, кто такой Рой Джонс, кому в четвертьфинале проиграл Зайцев. Будущему многократному чемпиону мира среди профессионалов, одному из лучших боксеров современности проиграть совсем не зазорно. Не хочу сказать, что Вахит обязательно победил бы Джонса, в случае, если он поехал бы на Олимпиаду, но то, что это был бы выдающийся бой, сомневаться не приходится. Но история, как мы знаем, не любит сослагательного наклонения.

Олимпийские игры в Сеуле вошли в историю небывалым количеством скандалов. А на боксерском турнире их было едва ли не больше всех. Тот же Рой Джонс в финале турнира вволю поиздевался над корейским боксером Парк Си Хуном, но вопреки здравому смыслу, победу присудили корейцу. Зато в категории до 81 кг. судьи вернули должок американцам, «своровав» победу у Нурмагомед Шанавазова из Махачкалы. Спустя много лет Олимпийский Комитет признал ошибку судейства и восстановил справедливость, вернув Джонсу его награду. Вряд ли это случилось бы, если Рой Джонс не стал бы суперзвездой мирового профессионального бокса.

После Олимпийских игр у Вахита наступил небольшой спад, главным образом моральный – все же много сил было потрачено на то, чтобы попасть на Олимпиаду.

Поворотным моментом в его судьбе стал переход в профессионалы. Тут уж Вахит попал в свою среду: если на любительском ринге Вахит не всегда успевал за три раунда пробить защиту соперника, то на профессиональном ринге в 12-раундовых боях его агрессивный стиль ведения боя с жесткими ударами почти всегда приносили ему победу. (Кстати, вместе с Вахитом одним из первых профессионалов стал еще один наш боксер – Асламбек Амаев, который впоследствии стал чемпионом стран СНГ среди профессионалов, но большой свой потенциал по разным причинам

так и не смог реализовать).

✘ В 1990 году в Барнауле состоялся первый чемпионат СССР по боксу среди профессионалов. Вахит выступил на нем блестяще, став чемпионом страны, и вписав тем самым свое имя золотыми буквами в историю отечественного бокса. Надо сказать, что первый профессиональный турнир такого ранга в стране, где спорт всегда считался любительским, привлек внимание многих зарубежных специалистов (в основном, американских). Среди них был и бывший промоутер Майка Тайсона – Тедди Атлас.

Почти все специалисты взяли на заметку Вахита. А когда через год он повторил свой успех (к слову, Вахит стал единственным первым и последним чемпионом СССР среди профессионалов – достижение, которое вошло в историю профессионального бокса СССР), американцы уже не могли не пригласить Магомадова в США на пробу сил.

Вахит уехал за океан в 1991 году, проведя на отечественном, профессиональном ринге одиннадцать боев и во всех одержав победы.

Надо сказать, что в Америке Вахит проявил свои лучшие качества. В первом же бою он одержал победу над претендентом на звание чемпиона США среди профессионалов. Всего за океаном Вахит провел шесть поединков и в пяти одержал победы, причем два боя закончил нокаутами. И это против американцев у них же на родине, где все за них и судьи, и болельщики, и пресса. Единственный проигрыш пришелся на последний бой с Марселем Мигелем, но то поражение, по мнению многих знатоков бокса, было на совести судей. Опытные менеджеры, тем не менее, увидели в Магомадове боксера, на которого можно и нужно делать ставку – большой бизнес, коим профессиональный бокс уже давно является, делает ставку на сильного, а не на своего. Конечно, идеально, когда сильнейший является своим. Но это желательное условие, а не необходимое. В профессиональном боксе абы кому контракт не предложат, вложенные деньги нужно «отбивать», а это задача посильная только незаурядным боксерам. А Вахит

Магомадов таковым, несомненно, являлся. Иначе в 1992 году Рори Кита — известный менеджер и весьма небедный человек (это я к тому, что деньги считать он умеет) — не предложил бы Вахиту контракт на пять лет. Сумма контракта была с пятью нулями плюс премиальные за победу. А то, что победы были бы, сомневаться не приходилось — все специалисты бокса предрекали Магомадову в США большое будущее. Вахит стал одним из первых боксеров с постсоветского пространства, с кем американцы заключили профессиональный контракт. Контракт в кармане, травм нет, сам в отменной спортивной форме. О чем еще может мечтать спортсмен. Казалось, впереди всемирное признание и звездное будущее. А почему бы и нет — к этому были все предпосылки. Жесткие удары с обеих рук, высокий темп проведения боя, силовая выносливость — вот те качества, что приносят успех в профессиональном боксе, и они в полной мере были у Вахита. Да и тактическая подготовка его была на высоком уровне — все же не будем забывать, что советская школа бокса была одной из лучших в мире. И возраст — 24 года — самый оптимальный для бокса. Но восхождению на спортивный Олимп вновь помешала политика. Когда Вахит в 1992 году, проведя семь месяцев в Америке, приехал на короткое время в отпуск, чтоб повидать родственников и друзей, российские власти запретили выезд чеченцев за границу. Многие из нас помнят то время, когда к власти в республике пришел генерал Дудаев, и народ оказалась вне правового поля России. Всевозможные запреты, вводимые российскими властями в то время, били, в первую очередь, по простым людям.

Столкнулся с проблемой выезда из страны и Вахит. Ему предлагали тайно выехать в США через Азербайджан, но он на это не пошел, так как, обратно въезд был бы проблематичным. «Если я не мог в любую минуту сорваться оттуда и приехать домой повидать близких людей — на черта мне она сдалась эта Америка» — горячится Вахит. Видно, что переживания того периода до сих пор его трогают. К тому же, сильно болела мама Вахита — Барет. Да и многим другим родственникам присутствие рядом с ними сильного человека в очень непростой для чеченцев период

(сколько этих сложных периодов пережили мы в своей истории) было необходимо. И Вахит Магомадов принял беспрецедентное решение – не ехать в США. Многие из нас, я уверен, такой шаг не поймут – уж слишком сильно мы увязли в материальных ценностях, часто становясь даже рабами их. И трудно понять поступок неординарного, независимого, сильного человека, для которого есть вещи, много значимее денег.

А как был удивлен Рори Китая, когда Магомадов позвонил ему сообщить о своем решении остаться дома. Это означало, что Вахит сознательно отказывается от контракта и, соответственно, от изрядной суммы денег. Я спросил его, не жалеет ли он об упущенном шансе – ведь не каждому, даже очень сильному боксеру, суждено так близко подобраться к чемпионскому трону. В США любой поединок на виду. Два-три удачных боя, и он мог попасть в так называемую «обойму». Вахит лаконичен: «Что поделаешь – значит, такова моя участь».

Зато, за его решение остаться рядом с больной матерью, Вахит был сполна вознагражден Всевышним – Барет прожила в кругу семьи еще четырнадцать лет.

Вахит Магомадов, журналист
Ваха Сайдаев, Руслан
Тарамов, Хамзат Джабраилов

Если бы наша республика не была в то время изолирована, Вахит и дальше выступал бы в России и за Россию, но мы в тот момент оказались людьми без страны: своей нет, а Россия к нам относилась не как к своим гражданам. И в 1992 году – в этот непростой для народа момент – Вахиту ничего не оставалось, как повесить перчатки на гвоздь. Ему было всего 25 лет. Вы только вдумайтесь – в самый расцвет сил человек уходит из спорта, которому отдал тринадцать лет. Причем, уходит не из-за травм. В какой еще стране это возможно, чтобы спортсмен, прибавивший к своему таланту многолетними невероятными тренировками

изрядное мастерство, и ставший высококлассным спортсменом, оставил так рано спорт. Но реальность тех лет была такова. Нынешняя молодежь этого может не прочувствовать, поскольку условия для занятий боксом в Чеченской Республике им созданы прекрасные. Руслан Тарамов, наш выдающийся в прошлом боксер, сам оставивший большой спорт в 27 лет поделился со мной, что были бы такие условия в его бытность, еще лет семь-восемь выступал бы. К слову, чемпиону сеульской Олимпиады Вячеславу Яновскому было 33 года, а нынешний тренер сборной России Александр Лебзяк стал Олимпийским чемпионом в Сиднее в 31 год. И этот список можно продолжить.

Ну а Вахиту ничего иного не оставалось после завершения выступлений на большом ринге, как заняться тренерской работой. Хотя, и тут не без горечи приходится констатировать, что из-за двух военных кампаний, Вахит приступил к работе на несколько лет позже, чем мог и хотел. А к тренерству он шел осознанно – педагогическое образование, которое получил Вахит, все же не достается. Вахит сам признается, что ему нравится заниматься с молодежью. «Работая с начинающими боксерами, твоя работа видна, как сквозь рентген, – делится Вахит. – Хорошо поработал – ученики твои побеждают, ну а если у них нет побед – ищи огрехи в своей работе». Именно из-за такого строгого подхода, прежде всего к самому себе, подопечные Вахита Магомадова добиваются значительных успехов на различных соревнованиях. К примеру, Мурад Абдурашитов – неоднократный победитель первенства ЮФО, чемпион ЦС «Динамо», чемпион России среди юношей, Ташуев Ибрагим – чемпион ЮФО, победитель первенства ЦС профсоюзов в г. Обнинске в 2005 г.. Всего Магомадов за годы тренерской работы подготовил более 15 мастеров спорта России. «Шалинцы мне не простили бы, если я хоть одного мастера спорта из своего города не воспитал бы, – улыбается Вахит. – Им стал Валид Даудов».

Ученики Вахита, за преданность тренера своей работе, за любовь к боксу, за заботу о них, платят ему безмерным уважением – это я знаю не понаслышке.

Недавно Вахиту исполнилось 40 лет. Самое время подвести промежуточные итоги. Конечно, в спорте свой потенциал Магомадов использовал не сполна. Но это ли главное в жизни. Мне кажется, что уважение людей гораздо более весомая награда, нежели кубки и медали. А материальные ценности мы будем иметь лишь те, что нам предписаны свыше. И тот, кто это понимает – счастливый человек.

Муслим Гапуев, руководитель информационно-аналитического центра Совета профсоюзов ЧР, гл. редактор газеты «По Делу», 2007